

**ВЛАДИМИР
СЕДОВ**

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

книга первая

Издательские решения

Владимир Седов

**Мужчина и женщина.
Книга первая (сборник)**

«Издательские решения»

2014

Седов В.

Мужчина и женщина. Книга первая (сборник) / В. Седов —
«Издательские решения», 2014

Эта книга посвящена слабому полу. Женщина – это приглашение к счастью...

Содержание

1. Поговорим о женщинах	5
Поговорим о красивых женщинах	6
Поговорим о некрасивых женщинах	7
Поговорим о приятных женщинах	8
Поговорим о любимых женщинах	9
Поговорим о хорошеньких женщинах	10
Поговорим о верных женщинах	11
Поговорим о неверных женщинах	12
Поговорим о падших женщинах	13
Поговорим о популярных женщинах	14
Поговорим о легкомысленных женщинах	15
Поговорим об умных женщинах	16
Поговорим о глупых женщинах	17
Поговорим об упрямых женщинах	18
Поговорим о юных женщинах	19
Поговорим о...	20
2. Я отвезу тебя в Прованс	21
3. Взгляд женщины	23
4. Один день	25
5. Лора	34
6. Завод	38
7. Коллеги	41
8. Рука королевы	46
9. Курилка	48
10. Урок истории на дому	51
11. Львица	54
12. Киллер	58
13. Квадрат Малевича	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Владимир Седов

Мужчина и женщина

Книга первая

1. Поговорим о женщинах

Разговор о женщинах!

Что может быть приятнее для мужчин?

Разве только само общение с женщиной.

Поговорим о красивых женщинах

Красивые женщины сродни искусству – их красота принадлежит народу. Ими все любят.

Открыто или тайно восхищаются.

С ними все хотят быть рядом или хотя бы рядом с тем, кто уже рядом.

Их многие любят, хотя еще больше хотят, чтобы было и наоборот.

Есть общепризнанные мировые эталоны женской красоты, а к ним – многочисленные и разнообразные комментарии поэтов, художников, скульпторов, композиторов, как гениальных, так и безумных, как святых, так и грешных.

Есть и особое мнение моего соседа, что самая красивая женщина не какие-то там Мона да Лиза, а его жена Клава.

В природе нет красоты без женщины, как нет женщины без красоты.

Поговорим о некрасивых женщинах

Некрасивая женщина? Нонсенс.

Женщина всегда прекрасна.

Хотя порой женщины так надежно прячут свою красоту, что не каждый нормальный мужчина способен ее рассмотреть, не говоря уже о подругах, поэтах и художниках.

Поговорим о приятных женщинах

Этим женщинам, как правило, за тридцать.

Они постоянно следят за собой, за тобой и за обстановкой вокруг вас обоих.

С ними приятно побыть, поговорить, постоять на улице, случайно встретиться на совещании или симпозиуме (там они, как правило, сидят в президиумах).

Без приятных женщин жизнь мужчин была бы не так приятна.

Поговорим о любимых женщинах

О них можно говорить бесконечно. Надоедая всем и всюду.

При этом обижаясь на тех, кто не желает сто двадцать пятый раз слушать рассказ о сказочных достоинствах любимой женщины.

Любовь делает женщину особенной, не похожей на других, которых уже или еще не любят.

С любимой женщиной начинаешь верить в бессмертие.

Любимая женщина – это самое дорогое, святое, чистое и до боли в сердце близкое.

Любимая – единственная женщина во всей вселенной.

И еще раз: о любимой женщине можно говорить бесконечно... пока она любима.

Поговорим о хорошеньких женщинах

У хорошеньких женщин всегда немного вздернут носик.

Они среднего роста, одеваются со вкусом.

Почти не стареют.

Их голос – музыка, которую мужчины слушают с удовольствием, закрыв глаза и слегка покачиваясь в такт ударам своего сердца.

Хорошенькая женщина – как полевой цветок: без ослепительной красоты, но добрый, мягкий и родной.

Поговорим о верных женщинах

Это счастье, огромное счастье. Часто только за одно это любят женщину всю жизнь, пылко и самозабвенно.

Мужчины этих женщин всегда многого достигают в жизни: становятся весьма известными учеными, делают великие открытия, руководят солидными учреждениями, получают высокие награды, создают шедевры.

Верность женщины – это царский подарок судьбы.

Поговорим о неверных женщинах

Почему-то мужчины считают, что неверными могут быть только женщины.

Почему-то принято считать, что неверные женщины – это те, у которых уже есть, был или вот-вот будет еще один мужчина.

Почему-то сплели воедино неверность души и продажность тела.

Неверная женщина отдает другому не тело, а душу, хотя чаще и привычнее – наоборот.

Но и то и другое – горе и боль.

Эти женщины несут беду и себе, и близким.

Мне их жаль.

Поговорим о падших женщинах

Унас их нет (хотя сейчас пишут, будто взялись откуда-то и у нас).

Поговорим о популярных женщинах

Популярность – это хорошо.

Всеобщее признание – это солидно.

Любовь миллионов – это чудесно.

Наглые поклонники – это отвратительно.

Личная жизнь на газетных страницах – это оскорбительно.

Интимные тайны, ведомые всем – это унижительно, но популярность – это ослепительно.

Но когда личная жизнь... к тому же, интимные тайны... и еще эти наглые поклонники, популярность – это омерзительно.

Но если всеобщее признание... любовь миллионов, то популярность – это...

Поговорим о легкомысленных женщинах

Здесь уместнее говорить о женщинах Франции. И о Париже.
Ах, Париж, Париж – голубая мечта всех мужчин.

Поговорим об умных женщинах

А зачем женщине быть умной, когда вокруг столько умных мужчин?

Поговорим о глупых женщинах

Женская глупость уникальна. Она не имеет границ.

Глупую женщину легко обмануть, но тяжело долго выдерживать.

Надо либо быть самому очень глупым, либо срочно поглупеть, либо поумнеть настолько, чтобы разглядеть, насколько же ты поглупел, что до сих пор живешь с глупой женщиной.

Поговорим об упрямых женщинах

Упрямство женщины – это чаще недостаток, реже – достоинство. Но лучше, если реже, чем чаще; когда чаще – оно утомляет. А когда оно слишком долго утомляет, то эта женщина уже не упряма – она просто глупа (смотри выше).

Поговорим о юных женщинах

Слегка на маму, чуть-чуть на Клаву, немного на Софи, и вот уже почти на Аллу. Когда нет ничего, кроме молодости, можно понять и даже простить наивные подражания.

Поговорим о...

Все о женщинах и о женщинах! Давайте поговорим о мужчинах, Женщины!

2. Я отвезу тебя в Прованс

Мы будем долго говорить об этом.

Мечтать...

Ты станешь тщательно подбирать гардероб.

Я подбирать время года.

И лихорадочно отменять свои планы.

Решив все вопросы, остановимся на том, что поедем, когда по всему Провансу зацветет фиолетовым цветом миндаль.

Потом будем спорить на чем добираться туда, и как там путешествовать.

Самолетом до Марселя, а там электричками по маленьким городкам Прованса или автобусами.

А может взять на прокат машину?

Но у тебя нет прав, а мне страшно захочется выпить прованского молодого вина.

И меня, конечно, арестует строгий и совсем не смешной французский полицейский.

Тыпустишь все свое обояние, чтобы он меня простил. Он сдастся и простит. И даже пригласит нас к себе в маленькую деревушку под Авиньон, попробовать молодого вина с его виноградника.

И мы, конечно, поедем.

И там напьемся.

Особенно – я.

Потому что замечу, что вы симпатизируете друг другу.

Я, напившись упаду в свежий стог французского сена, а ты упадешь с ним в постель.

По утру мы уедем.

Я-сердитый, ты – счастливая.

Но я тебе отомщу.

Когда?

Когда будем осматривать развалины очередной римской цитадели с длинными и мрачными подвалами в Эксе.

Ты увлечешься видами цветущих долин, с башни римского гарнизона, а я занырну с хрупкой, тонкой гидшей в эти нескончаемые римские катакомбы.

Потом я тебя найду в «сиську» пьяной в кафе, где в прошлом веке Поль Сезан пытался безуспешно подарить этому городу свою лучшую «модель» – гору Сен Виктуар.

И ты за тем же столом будешь пытаться снять и подарить свою майку с названием «Я люблю Россию», прованским студентам, облепившим тебя, как мухи, но я успел перехватить тебя в этом благородном порыве, и плачущую уволочь в гостиницу.

Там ты будешь долго сидеть в ванной комнате, в обнимку с унитазом.

Я тебя буду заботливо отпаивать и отливать водой.

А утром ты злая на меня, себя и римлян, будешь кричать, что у тебя болит горло и тебе срочно надо в Россию.

По дороге в Марсель мы, как бы случайно заедем в тихий, пустой Арль. И ты опять как бы случайно зайдешь в небольшой бутик на площади и, как сорвавшись с цепи, накупишь себе кучу сногшибательных нарядов.

Я потрачу все деньги на моей карточке.

Теперь у меня испортится настроение, и я, вспомнив худую, костлявую француженку, и полицейского, и студентов, и обгаженный французский туалет в гостинице, скажу, что нам пора домой.

Ты радостно согласишься, прижимая к груди раздутый, как мой кадык чемодан.

И быстро самолетами полетим домой в Россию.

А когда будем получать багаж, окажется, что твой чемодан улетел в Китай.

А у меня таможенники конфискуют все мое французское вино и как бы на смех, оставят две бутылки.

И мы с тобой назло всем китайцам, таможенникам и провансальцам выпьем их прямо в аэропорту, сидя на моем чемодане.

И повеселевшие, поедem домой.

А утром, одеваясь, я спрошу тебя: «Ну, как Прованс?».

И ты ответишь, потягиваясь: «Прованс? Прованс, как Прованс. Я ожидала большего, мой милый».

3. Взгляд женщины

Иногда, когда женщина думает, что за ней никто не наблюдает, приглядевшись, можно увидеть «этот» ее взгляд. Мне удалось это сделать. Увидеть. И даже расшифровать «этот» взгляд.

Он меня потряс.

Во-первых: этот взгляд – не что иное, как вселенская печать.

В этом взгляде суть и понятие главной тайны Вселенной, известной только им.

В этом взгляде все ответы на все вопросы мироздания, над которыми мужчины тысячелетия бьются, открывая законы, создавая теории и ломая свои головы..

А женщины уже все знают, им уже все известно. Но они тщательно скрывают свои знания от второй половины человечества, агрессивной, самолюбивой, самовлюбленной.

Все изобретено мужчинами. До всего додумали мужчины. Все построили мужчины.

Иллюзия.

Женщины создают. Мужчины разрушают. Хотя, кажется наоборот.

Кажется, что женщины слабы и глуповаты. Не видят перспектив.

Не стремятся в будущее.

Казаться такими – это не значит быть.

Но в этом и есть их секрет.

Во-вторых: мужчина – это не что иное, как навязанная необходимость.

Женщины просто терпят мужчин.

Любя терпят.

Ненавидя терпят. И не видя терпят.

В-третьих: в этом взгляде смирение.

Религию придумали мужчины, а создали женщины.

А православная религия вообще держится только на женщинах.

Они намного ближе к Богу, чем любой мужчина и даже священник.

В-четвертых: во взгляде – жертвенность.

Но не обреченная, а снисходительная.

Жертвенность сильного перед слабым.

Тонкая на грани фолы игра в уязвимость и готовность сдаться «врагу»*.

Но только игра. Не более.

Игра ради жертвенности. Жертвенность ради великой цели.

Жизни.

«Враг» – мужчина.

В-пятых: во взгляде – обман.

Обман уже прощенный и оправданный самим Богом.

Обман всех и вся.

Обман ради одной единственной правды.

Правды Жизни.

Нет обмана только к своему ребенку.

В-шестых: во взгляде спокойствие

Чтобы вокруг не происходило все равно будет так.

А не иначе. По другому просто не должно быть.

И не потому что женщине так хочется, а потому что так нацелен наш мир.

Это их Вселенная.

В-седьмых: во взгляде уверенность. Будущее, бессмертие и власть в их руках.

Это их поле. Это они решают. Они определяют, что, как и почему.

Они частица Бога.

Мужчина, не смотря на весь мировой этнос – вторичное существо.

Продукт естественного отбора природы, часть биосферы для существования женщин.

Не более. В итоге я понял, что женщинам с рождения известно, как, откуда и зачем произошло человеческое существо.

И что с ним будет.

Вот так случайно пойманный женский взгляд, расставил все по своим местам.

Стало понятно, почему так, а не по другому все устроено во Вселенной.

Кто такой я и где Бог.

И ничего придумывать и искать не надо.

Надо только один раз повнимательней присмотреться к взгляду женщины, которая с тобой рядом.

4. Один день

Боже, как же я люблю поспать!

Если женщина регулярно не высыпается, она быстро стареет.

Это давным-давно ясно всем, но только не моему мужу.

В ту минуту, когда он, проснувшись, будит меня, я убить его готова!

Вот и сегодня утром то же.

Он закричал, завозился, а в щеку мне ткнулось что-то жесткое и колючее.

Я вздрагиваю – в мой сладкий сон грубо вторгается нечто совсем уж неприятное.

Вздрагнув, просыпаюсь.

А проснувшись, понимаю наконец, что это утренний, постельный поцелуй моего мужа, обросшего за ночь жесткой щетиной.

Говорят, будто во Франции мужчины бреются еще и на ночь.

Я потягиваюсь с крамольной мыслью: «Хоть бы раз в жизни проснуться в одной постели с французом!»

Муж, накинув халат, потопал в ванную.

И хотя мне смертельно хочется спать, я тоже встаю и, полусонная, плетусь на кухню.

Этот ранний поход на кухню в нашей семье имеет принципиальное значение.

Супруг мой считает, что по утрам жена должна подавать завтрак мужу на стол и поцелуем провожать его на работу.

Он считает этот утренний ритуал одним из основных критериев семейного благополучия, показателем верности жены семейному очагу и яркой демонстрацией ее безграничной любви к своему «тому», без кого она ничто.

И вот я на кухне.

В халате поверх ночной сорочки.

Нечесанная, неприбранная, неумытая, готовлю кофе и бутерброды.

Ясно, каково мне?

Привести себя в порядок я просто не успеваю.

Мой муж только просыпается медленно, а потом все, от умывания до одевания, делает с невероятной быстротой.

И поэтому появляется на кухне, готовый к поглощению завтрака, буквально через несколько минут после своего подъема.

И моего, естественно.

Вот поэтому, кое-как замотанная в халат, я с гадким чувством неполноценности подаю на стол бутерброды, наливаю кофе и слушаю его пространный монолог о том, почему вот он по утрам всегда бодр и настроение у него хорошее, а у его жены, то есть у меня, оно неизменно кислое и вялое.

Сказать ему, что женщине, прежде чем показаться мужчине, нужно привести в порядок хотя бы свое лицо?

Но я и сегодня ему ничего такого не говорю.

Что толку?

Разве хоть один мужчина поймет простое и естественное желание женщины – нравиться ему всегда, в любой ситуации, ранним утром и поздним вечером.

Даже если это твой муж!

Даже если в этот момент ты и не осознаешь такого желания.

Ну, вот он и поел.

Сильный. Здоровый. Сытый.

Я провожаю его до дверей.

Сонная. Вялая. Некрасивая.

– Ну пока, соня! – целует он меня в никакие мои губы.

– Пока, милый, – отвечаю я.

И-спать, спать, спать...

Второе мое пробуждение в этот день куда легче и приятнее.

Мне снова приснился какой-то радостный сон.

И хотя сны свои я никогда не помню, от этого сна на душе осталось какое-то странное, необычное смущение.

Я полежала немного с закрытыми глазами, пытаюсь удержать в себе то небольшое зыбкое, что еще связывало меня проснувшуюся со мною сонной.

Но оно, это зыбкое, быстро утекало сквозь дневной свет, таяло, как призрак, и наконец совсем исчезло.

Все.

Пора вставать.

Встала.

Включила музыку.

Одела спортивный костюм и немного – пять-семь минут – размялась.

Чтобы окончательно проснуться.

Немного бодрости для тела и само утверждения для разума: все-таки поборола свою лень и сделала зарядку.

Теперь под душ.

Под душем я стою долго.

Люблю эти нежные струйки.

И опять ловлю себя на мыслях о чем-то приятном.

Только вот никак не могу понять, о чем именно.

Но и блаженную эту процедуру приходит пора заканчивать.

Обтираюсь большим махровым полотенцем.

Чищу зубы.

Благо, сейчас зубные пасты пошли приличные.

Зубы стали меньше болеть.

Для женщины абсолютно здоровые зубы – великое счастье.

Жаль только, что это великое счастье так же редко в нашей женской жизни, как и идеальный макияж перед важной встречей.

Хотя, если уж говорить о косметике, я стараюсь ей пользоваться как можно меньше, зато самой лучшей.

Помада должна лишь оттенять губы от лица и туалета, а не выпячивать их.

На губах женщины всегда должна быть тень загадки, чтобы мужчина – любопытнейшее из всех животных – глядя на них, испытывал постоянное желание разгадать ее.

Чуть-чуть пудры, чтобы скрыть мелкие, едва видимые морщинки.

Хорошо видимые уже ничем не скроешь.

Чуть заметный румянец.

И принимаюсь за глаза.

Пожалуй, у меня это самое тяжелое.

Бог обделил меня большими красивыми глазами.

Они у меня блеклые, невнятные какие-то, да и реснички не задались.

Впрочем, кроме мужа по утрам, у меня их такими никто и никогда не видел.

Сейчас мы глазки свои увеличим.

Та-ак... ровной волной – линию темных теней к вискам.

Теперь – линию чуть посветлей к переносице.

И еще раз.
А реснички щедро затемним черной тушью.
Веко же чуть подсиним, чтобы выделить темноту ресниц.
Ну вот, все готово.
С удовольствием осмотрела свое лицо.
Отчего это у меня сегодня все так хорошо получается?
Теперь белье.
Руки сами почему-то потянулись к черному.
Странно, к чему бы это?
Я черное белье давно уже не надевала.
И колготки отложила, натянула чулки с ажурной резинкой, тоже темный.
Юбки я всегда ношу короткие.
Надела красную кофту.
Темный пиджак.
Два серебряных кольца.
Крупную серебряную цепочку с черным камнем в черненном серебре.
Сережки с подвесочками из серебряных капелек.
Теперь духи.
Духи к серебру надо взять чуть потяжелее, чем обычно.
Волосы – строго назад, в небольшой пучок, под сеточку с мушками.
Повертелась перед зеркалом.
Да, неплохо.
Сама себе понравилась.
Жаль, что видеть все это, прекрасное, мужу уже не дано.
Теперь очень осторожно – глоток кофе.
Что у меня сегодня?
Нинка-подруга просила ключи от маминой квартиры, хочет в обед встретиться со своим другом.
У машины не горит правый «стоп», позвонить Михал Михалычу, моему автослесарю.
Купить стиральный порошок, а то весь закончился вчера вечером.
Что еще?
Ах да, часы что-то отставать стали: заехать в часовую мастерскую.
Все.
А что он мне вчера говорил перед сном о ребенке?
Да-да, насчет того, что пора бы нам подумать и о ребенке...
Чтобы я сходила к врачу, посоветовалась.
Точно.
А с чего он вдруг об этом заговорил?
Вроде, и повода не было...
И почему именно вчера?
А что было вчера?
Дома – ничего особенного.
И тут меня словно прострелило.
Как же я забыла!
У меня же сегодня встреча с мужчиной!
Я заперла квартиру.
Съехала в лифте вниз.
Мои голубенькие «Жигули» ласково заворчали.
Мы с моей машинкой любим друг друга.

Мне она как подружка.

Вот и сейчас – еду я на работу и разговариваю как бы с ней:

– Мужчина...

С ним я познакомилась вчера, когда приезжала в фирму «Илидо», там мне девчонки сделали заказ на новую косметику.

А он чуда прибыл из Вильнюса по каким-то контрактам.

Высокий.

Седоватый.

Лет сорока.

Хороший костюм.

Чистые белые руки с перстнем на левом мизинце.

Мы с ним вместе вышли из здания фирмы.

Он меня спросил, предварительно извинившись, где здесь можно выпить чашку кофе.

А когда я ему показала ресторанчик на другой стороне улицы, он вежливо так попросил, если я, конечно, не очень спешу, составить ему компанию.

Мы попили кофе.

И расстались.

Когда пили кофе, он расспрашивал меня о нашем городе. Оказалось, он здесь первый раз.

Сказал, что встретил у нас необычайно много хороших людей.

И что завтра утром он закончит все дела, а вечером, к большому своему сожалению, уже уедет, так и не повидав толком наш замечательный город.

Вот если бы я могла порекомендовать ему в качестве гида кого-то из моих знакомых, он бы был мне весьма благодарен, ну, а если бы я сама выбрала немного времени, то он бы был просто счастлив, потому что более элегантно и красивой женщины он еще не видел ни у себя в Литве, ни в этом замечательном городе.

Комплимент?

Несомненно.

Не знаю, как другие женщины, а я просто обожаю комплименты.

Жаль, что обычно мужчины скупаются на них.

Для женщины комплимент – это глоток свежего воздуха в душной суеде будней.

Особенно от мужчины.

Особенно от любимого.

Жаль, что мужья – первые из мужчин, первыми о них и забывают.

А тут пьем кофе, вежливо беседуем – и мне делают комплимент.

Причем без малейшего намека на командировочную пошлость.

Когда садились за стол, он придвинул стул.

Когда уходили, помог встать из-за стола.

Внимательный.

И я согласилась.

Согласилась сегодня показать ему город.

В двенадцать.

Так вот от чего сон был какой-то чудной и настроение с утра легкое.

Свидание для женщины – всегда праздник.

Для мужчины же свидание – лишь средство к достижению цели.

Для женщины – еще и возможность получше узнать того, к кому идешь на свидание.

Мужчины во время свидания часто спешат, не понимая, что женщине надо еще привыкнуть к тому, с кем она встретилась.

Хоть немного.

Хоть чуть-чуть.

Разглядеть в нем то хорошее, что может оправдать неожиданный исход первого свидания.
Но я считаю, что сегодня у меня все же не совсем свидание.
Я просто покажу приезжему город.
И все.
Город у нас красивый, есть что показать.
Но надо же, что он выдумал: я – самая красивая женщина, какую он видел.
Врун.
Кто-то мне посигналил.
Я за своими мыслями забыла тронуться со светофора.
Поглядела в зеркало заднего вида.
В начале на торопыгу сзади, потом на себя.
Нет, все так, я сегодня – вполне ничего.
Обогнула площадь.
Чуть нарушила правила, впрочем, как всегда, и заехала во двор нашей конторы, фирмы
«Нина Ричи», где я работаю агентом.
Припарковала машину – один из самых трудных для меня маневров.
И пошла к себе наверх, в наш «курытник».
Так мы зовем большую комнату, где стоят тридцать с небольшим столов.
Половина, как правило, пустые.
Потому что нас ноги кормят.
Сколько контрактов заключила, столько и получила.
Хотя мне, да и многим подругам, работающим со мной, деньги нужны не для выживания,
а для независимости.
Относительной, конечно.
Шубу норковую на наши гонорары не купишь, но на колготки хватает.
И время свободное есть.
Можно собой заняться, семьей, бытовкой.
Не успела я войти, девчонки мне:
– Подруга твоя, Нинка, обзвонилась.
Нинка.
Моя подруга.
Замужем.
Двое детей.
Муж – редкий умница.
Врач, в реанимации работает.
Устает на работе, как ишак.
Нинка тоже на работе от и до.
Потом – за детьми.
За одним в детский сад, за другим в школу.
И-бегом домой, готовить.
Трое ведь мужиков.
И хоть все в разных возрастах, но жрать хотят одинаково.
Вот и вырывается она на встречи со своим другом только в обеды, раза два в месяц.
Редкий, но все-таки праздник.
Бегают по чужим квартирам.
Позвонила ей. Сказала, что ключи от маминой квартиры оставлю в своем столе.
Пусть заезжает и берет.
– Ни пуха, ни пера, – пожелала я.
– К черту, – ответила Нинка.

Я сделала несколько звонков по разным делам.
Еще раз осмотрела себя.
Поправила прическу.
И, проинструктиввав девчонок, поехала за ним.
Он должен ждать меня на центральной площади, у самого сквера.
Уже подъезжая, я что-то разволновалась.
Прямо как школьница.
Увидела его еще издалека.
Он сидел на парковой скамейке и читал газету.
Я подъехала и посигналила.
Он обернулся.
И, разглядев, что это я ему сигналию, как-то искренне обрадовался.
Встал и пошел к моей машине.
Каким образом у него в руке оказался огромный букет темно-бордовых роз, я не заметила.
Но когда сообразила, что это чудо предназначено мне, просто растерялась.
Даже из машины забыла выйти.
А он подошел, открыл дверку моих «Жигулей» и положил этот огромный дурманящий букет прямо мне на колени.
И сказал, поцеловав мне руку:
– Это вам.
И все.
Боже мой, меня всю буквально перевернуло!
Я подняла букет.
Уткнулась в него носом и нюхала, нюхала, нюхала.
Даже «спасибо» не могла вымолвить.
Только посмотрела на него мокрыми глазами и сказала:
– Поедемте.
Он сел.
Я вырулила и поехала в сторону своей работы.
А он, сидя рядом со мной, начал рассказывать какие-то истории.
Глупые и смешные.
И говорил, говорил, говорил...
Лишая меня возможности сказать слова, могущие испортить то, на что я вдруг решилась.
Я чувствовала: он догадывается, что творится со мной.
Аромат огромного букета просто кружил мне голову.
– А может, выпьем перед экскурсией кофе, – предложил он без перехода.
– Да, – машинально ответила я. – Только мне надо заехать на работу.
Мы как раз заворачивали во двор нашей фирмы.
– Конечно. Мне подождать?
– Да, пожалуйста. Вы не выходите. Я быстро.
– Конечно, конечно. Я буду сидеть тихо-тихо, как мышка.
И опять мне улыбнулся.
Я вихрем влетела в нашу шумную комнату.
И сразу к своему столу.
– Нинка была? – спросила кого-то на ходу.
На меня удивленно посмотрели и ответили, что нет, еще не была.
Я забрала ключи от маминой квартиры и, ничего никому не объясняя, быстро ушла.
Села в машину.

Со свистом развернулась и вылетела на проспект.
Он удивленно посмотрел на меня.
Потом, когда я немного успокоилась, он спросил, осторожно дотронувшись до моей руки:
– Куда мы едем?
– К маме. Кофе пить, – ответила я и замолчала.
А он как ни в чем не бывало рассказал мне еще одну смешную историю.
Я засмеялась.
И тут меня отпустило.
Стало легче.
Мы стали болтать.
Я рассказала, что мамы дома нет, но кофе попить мы там сможем.
Наконец-то поблагодарила за букет.
Цветы для женщины – всегда праздник.
И не какие-то дежурные гвоздички в дежурные торжества, хотя и это тоже приятно,
а настоящие букеты от мужчин.
И неожиданные.
Впрочем, букет от любимого мужчины мы, женщины, ждем всегда.
Правда, зачастую не дожидаемся в назначенный час не только цветов, но и самого любимого.
По дороге к маминному дому, мы перешли на «ты»; он попросил называть его Эдом – сокращенное от Эдуарда.
Поднялись в квартиру.
Когда поднимались по лестнице, я почти физически чувствовала спиной его взгляд, обволакивающий меня с головы до ног.
Я оглянулась.
Свиду он был спокоен.
Улыбнулся мне.
Я-ему.
Открыла квартиру.
Мы вошли.
Он осмотрелся и предложил сам сварить кофе.
У него, сказал, есть свой маленький секрет, как сделать этот напиток еще вкуснее.
Я не стала возражать.
Он снял пиджак и смело взялся за дело.
Я показала ему, где что лежит на кухне, и пошла в ванную подрезать розы, чтобы поставить их в вазу.
Закрывшись в ванной, я медленно счищала шипы с крепких стеблей моих роз и думала:
Ну, и что дальше? Он варит кофе.
Я подрезаю розы. Кажется, симпатичный. Внимательный. Одеколон у него приятный.
Не пошляк.
И все же до конца я так ничего для себя и не решила.
Ну, пригласила в пустую квартиру...
Это еще ничего не значит.
Собрала я розы в букет и прошла в зал. Поставила их в вазу.
После воды они стали еще нежнее и роскошнее.
Включила музыку.
Толкнула маятник у остановившихся часов.
Зачем-то зашторила окна.
Прошла по квартире. Остановилась у двери в кухню.

Он стоял спиной ко мне, что-то напевая, колдовал у газовой плиты.
Белая дорогая сорочка. Широкая спина. Аккуратная линия седеющих волос. Загорелая шея.

Я смотрела, как легко и ловко он орудует фарфоровой турочкой, и как– то незаметно для себя самой позвала его:

– Эд...

Он не услышал.

Тогда я позвала чуть погромче, но все еще тихо:

– Эд!

Он вздрогнул.

Обернулся.

Очень внимательно посмотрел на меня и осторожно, положив все, что было у него в руках, на стол, подошел ко мне.

Подошел и поцеловал в губы.

Не жадно, не бестолково, а нежно и долго.

Через полтора часа он вызвал такси и уехал.

Я сама попросила его об этом.

Хотелось побыть одной.

Слишком неожиданно и быстро все это произошло.

Я приняла ванну.

Оделась. Подкрасилась.

Не спеша спустилась во двор. Села в машину и поехала на работу.

Чувствовала я себя как-то неуютно.

И уже в машине, медленно двигаясь в послеобеденном потоке проспекта, поняла: «Нет, далеко не то, чего ждала».

Ждала нежности, ласки, а получила что-то грубое и даже немного болезненное.

Вначале он оказался слишком нетерпелив, а затем стал излишне требователен. Больше, чем нужно для первого раза.

Да вдобавок еще потел, а к концу у него запахло изо рта.

Дура!

Глупая дура!

На работе девчонки рассказали, как бушевала Нинка, не найдя ключей в моем столе.

Позвонила ей, объяснила, как смогла.

Извинилась.

Когда извинялась, чуть не заплакала.

Нинка, видимо, поняла: у меня что– то стряслось, и притихла.

Стала выпрашивать, что да как.

Япообещала, что потом все расскажу. «Так... ничего страшного».

Изанялась своими бумагами.

К концу дня позвонил муж. Попросил чего-нибудь подкупить по дороге.

Они с другом поработают у нас дома. Во сколько закончат, сам не знает.

Но ужинать, очевидно, придется втроем.

Я сказала: «Хорошо. Подкуплю».

Он спросил: «У врача была?»

Я ответила, что нет еще. День был тяжелый. Схожу завтра.

Он помолчал, потом сказал: «Ладно. Целую».

Я ответила, что и я его тоже.

Положила трубку и стала собираться домой.

Через полтора часа я была дома.

Муж с другом уже сидели в большой комнате, разложив бумаги повсюду, куда только можно было их приткнуть. При этом накурили так, что хоть топор вешай.

Такое в нашей квартире не в первый раз, и я давно с этим смирилась.

Вошла, поздоровалась – и на кухню.

Готовить.

Они, как мне показалось, даже не заметили, что кто-то к ним заглядывал.

Впрочем, я знала: едва они закончат свои дела, сразу же вспомнят обо мне.

Поесть оба любят.

Чтобы много было и вкусно.

А готовить я люблю. И умею.

Может, поэтому мы с мужем до сих пор и не разошлись.

Я люблю готовить – он любит поесть.,

А путь к сердцу мужчины, как известно, лежит через желудок.

Дела свои они закончили часа через два.

Похоже, удачно.

Поскольку за ужином оба то и дело шутили.

Друг, этак полушутя, как бы ухаживал за мной.

Муж так же полушутя, как бы ревновал.

Когда друг ушел, я убрала со стола, а муж по своему обыкновению перед сном надолго залег в теплую ванну.

Лежит он там, как правило, до дремоты.

Наконец, отдремав, перебрался в постель.

Лег и тут же заснул мертвым сном.

Его мама говорила, что эту удивительную способность – засыпать мгновенно – он унаследовал от бабки, про которую рассказывали, будто она засыпала, не успев даже ноги занести на кровать. Так и спала с ногами на полу.

А я вот засыпаю плохо.

И сегодня, укладываясь рядом со сладко спящим мужем, подумала, что до утра не усну.

Муж что-то пробормотал сквозь сон и повернулся ко мне лицом.

Во сне он чему-то улыбался и при этом причмокивал своими пухлыми губами. Прямо как ребенок.

Меня это детское причмокивание так растрогало, что я не удержалась и осторожно поцеловала его в пухлые розовые губы.

А потом долго лежала с открытыми глазами и перебирала сегодняшний день.

И уже засыпая, уходя за грань реального, в последнем проблеске сознания подумала: «Завтра непременно схожу к врачу. И если все обойдется хорошо, у нашего ребенка будут такие же пухлые и мягкие губы, как у моего доброго и неуклюжего мужа».

И уже почти во сне, подложив руку под его голову, подумала с нежностью: «Все-таки замечательный он у меня мужчина... умный и добрый... и я его люблю. Хотя и не бреется на ночь, как некоторые. Но не в этом все-таки женское счастье...»

А в чем?

И с этим вопросом уснула.

На удивление быстро и незаметно.

5. Лора

– Добрый день, дорогие радиослушатели нашего канала «Дорога». С вами опять его ведущая – Лора.

Потом девушка с короткой светлой стрижкой переключила тумблер, и в эфир полилась быстрая ритмичная музыка.

Девушка сняла наушники. Откинулась в кресле, взяла тлеющую сигарету и жадно затянулась.

В стекло, отделяющее кабинку девушки от студии, постучала маленькая чернявенькая подружка.

– Лорка, твой не звонил?

Лора мотнула головой:

– Нет еще. – И, задумавшись, добавила – Позвонит.

Музыка заканчивалась.

Лора опять надела наушники и, переключив тумблер, заговорила с радиослушателями.

– Музыка! Музыка! Музыка! Она поднимает вам настроение, тонус, а также скорость вашего автомобиля! Но не надо забывать, что скорость – это не только выигранное время, но и опасность для не совсем опытных водителей. Но я думаю, все наши слушатели – это опытные профессиональные асы. Конечно, как всегда, вы можете позвонить мне по телефону: 16—16—34. И отвечу я, ваша Лора. А сейчас послушаем, что же нового на нашем автомобильном рынке. Реклама...

И девушка опять переключила тумблер.

Сигарета уже затухла.

Лора достала из пачки новую. Закурила.

В стекло опять постучала подружка.

– Лора, звонок.

Лора переключила тумблер и уже – в эфир:

– Алло вот и первый звонок. Слушаю вас.

– Лора это я...

– Ага, наш постоянный слушатель Олег. Я угадала?

– Да. И ваш поклонник.

– И где вы сейчас находитесь, Олег?

– Я еду по проспекту Героев на встречу с партнерами. Лора, я хочу вам посвятить два небольших четверостишья...

– О, это будет, наверно, приятно услышать и всем нашим радиослушателям. Слушаем, Олег, вас...

– Хорошо. А меня нормально слышно?

– Да. Слушаем вас, Олег.

Видно, это так и будет:

За зимой придет весна.

Кто-то горе позабудет,

Кто-то вспомнит вкус вина...

Кто-то будет наслаждаться

Чистотой лесных озер.

Мне осталось улыбаться,

Слыша твой прелестный вздор...

– О, Олег, а вы случайно не профессиональный литератор?

– Да нет. На этот стих меня в общем-то вдохновили вы, Лора.

– И, конечно, *мой прелестный вздор*... Я думаю, что чуть позже мы продолжим с Олегом интересное объяснение. А в чем суть *прелестного вздора*, об этом и я, и вы, наши радиослушатели, подумаем, пока будет идти репортаж с автовыставки в нашем городе.

Лора переключила тумблер. И сняла наушники. Взяла сигарету и вышла.

Ее подруга все еще держала трубку телефона.

– Лора, «он» все еще на связи.

Лора, жадно затянувшись сигаретой, подошла и взяла трубку.

– Да, Олег, что ты хочешь?

– Я хочу тебя увидеть.

– Зачем?

– Ты мне нравишься.

– Ты же меня никогда не видел.

– Ну и что? Мне кажется, что ты именно та девушка, о которой я мечтаю всю свою жизнь.

– Почему тебе так кажется?

– Голос у тебя очень мой.

– Как это *мой*?

– Я и сам не могу объяснить. Просто я влюблен в твой голос. А значит, и в тебя. Давай встретимся сегодня...

– Сегодня я не могу.

– Завтра?

– Завтра – будет завтра. Позвони.

И Лора положила трубку.

Во время всего этого разговора Лорина подруга не отрываясь смотрела на Лору.

– Лорка, и чего ты с ним не хочешь встретиться?

– Навстречалась уже...

– А может, этот не такой. Может, он принц.

– Конечно принц, пока в постель не залез. А как залезет, и куда принц девался...

– Ну что ты, Лорка, не все мужики негодяи!

– Может, и не все. Но мне попадались только они. Вот поэтому и не хочется опять пробовать.

А он упрямый.

Да и я не девочка.

Лора затушила сигарету и пошла опять к себе в «аквариум» за пульт.

Неделю Олег не звонил.

Лора, как ни странно для нее, стала почему-то беспокоиться, замечала, что непроизвольно шепчет его стихи:

Видно, это так и будет...

Наконец он позвонил.

До передачи.

Когда Лора взяла трубку и услышала: «Это я, Олег...», то заволновалась. В горле почему-то перехватило. И она каким-то не своим голосом ответила:

– Да, я слушаю тебя, Олег.

– Увидимся? – спросил он.

И они увиделись...

Попили кофе в кафе на набережной.

Она оказалась выше его ростом.

Он был юрким, теменьким, слегка лысеющим мужчиной лет тридцати.

Она в основном молчала.

Он много говорил. Волновался.

Она видела, как у него дрожали руки.

Он, очевидно, очень хотел ей понравиться.

То, что она ему понравилась, было видно сразу.

Он же пока не произвел на нее сильного впечатления.

Как-то странно было ей смотреть на него и мысленно читать его стихи: *«За зимой придет весна...»*

Расстались.

На прощанье он сказал, что именно такой ее и представлял.

На работе подружкам на их вопросы сказала:

– Ничего... Милый...

И все.

Потом они встречались еще несколько раз в кафе.

Она еще не разобралась в своих чувствах и поэтому вела себя очень сдержанно. И когда он в одной из встреч предложил ей зайти к нему, она, не проявляя никаких эмоций, согласилась.

Дома у себя он суетился до смешного.

Опрокинул стул. Разбил стакан. Не знал, куда ее посадить.

У него была чисто холостяцкая квартира. Богатая. Но не уютная. Без кошки и собаки.

Сказал, что у него был попугай, но улетел зимой в форточку.

Показал фотографии.

Сообщил, что был женат. Но детей нет.

Показал фото бывшей жены. Чем-то похожей на Лору.

Когда выпили шампанское, поцеловал ее.

Потом повел в спальню.

Она пошла.

Но и там, в спальне, никак не могла отделаться от звучащих в голове его стихов: *«Кто-то горе позабудет...»*

Вего объятьях она была тихой и равнодушной.

А он, кажется, этого совсем не замечал.

Он упивался ею. Ее телом. Запахом. И любовью.

Вечером, уже поздно, она приехала домой.

Мама не спала.

Лора прошла в детскую, поцеловала спящего сынишку и отправилась на кухню к маме. Сели с ней там. Выпили легкого красного вина. Поговорили. Поплакали. Даже потихоньку спели.

Засыпала далеко за полночь.

«Кто-то вспомнит вкус вина..»

Да, у нее очень давно не было мужчин.

И что...

Ничего.

Ничего нового.

Новый день на работе был, как и прежде, интересен, но тяжел. И хотя это была ее любимая работа, но несколько часов в прямом эфире вперемежку со всякого рода звонками всегда немного утомляли. Только сигареты снимали утомление. Поэтому она много курила.

Олег больше не звонил.

Стихов не читал тоже.

Но встречаться они стали все чаще и чаще. И в основном у него на квартире.

«Кто-то будет наслаждаться чистотой лесных озер...» Что он имел в виду?

Первые проблемы начались, когда она первый раз забеременела. О ребенке речи и не шло. Он даже не помогал ей избавиться от беременности. Все устроила подруга.

И все прошло не совсем удачно. О ней забыли после операции, и она чуть не умерла от переохлаждения.

Перед ней, бессознательной, приоткрылся уже другой мир. Она летела в гигантском туннеле с огромной скоростью куда-то, к чему-то светлому и чистому, и только тревога за сына, болью пульсирующая в затухающем сознании, заставила вернуть душу назад, и она очнулась. Тяжело сползла с кресла. Вышла в коридор. Там врач, увидевшая ее, замахала руками, проклиная себя за забывчивость. А она, ничего не требовавшая и не скандалящая, быстро собралась и ушла из больницы.

Он ее не встречал.

«Мне *осталось улыбаться...*»

Потом были и другие беременности.

Потом выяснилось, что он не может переносить ее сына. И тем более во время совместного отдыха.

И наконец, он стал казаться ей еще меньше, глупее, и даже плешь на его затылке стала катастрофически увеличиваться и увеличиваться.

Мама уверяла, что не в этом счастье, а внуку и с ней, с бабушкой, хорошо. А Лоре надо...

Что ей надо, она и сама знала.

Ей был нужен муж. А Олег вроде бы и не собирался стать таковым. Да она и не собиралась сделать его им. Своим.

Они продолжали встречаться. Была у них своя жизнь. Свой мир. Свое время. Подруги привыкли, что у нее есть Олег. Его друзья привыкли, что у него есть она, Лора.

Он говорил, что ее любит. Она врала ему тоже: «*Слыша твой прелестный вздор...*»

Но по-настоящему счастлива она была только у себя на работе. Когда закрывалась в своем «аквариуме». Садилась перед пультом. Надевала наушники. Отсчитывала время и, нажав на тумблер, весело говорила в микрофон:

– Добрый день, дорогие радиослушатели нашего канала «Дорога». С вами опять ваша ведущая Лора. – И всегда подсознательно читала стихи:

Видно, это так и будет,
За зимой придет весна.
Кто-то горе позабудет,
Кто-то вспомнит вкус вина.

Кто-то будет наслаждаться
Чистотой лесных озер.
Мне осталось улыбаться,
Слыша твой прелестный вздор...

И всегда после этого думала: «И чьи же это стихи? Надо бы все-таки узнать, чьи. Не мог же он их сам написать. Слишком он не тот».

Не тот...

6. Завод

Сегодня она позволила себе купить двести граммов сыра.

Позволила, потому что вчера была пенсия, а сыр она очень любила и ела его с удовольствием.

От купленного куска она отрезала граммов десять сыра, положила его в рот и стала осторожно сосать.

– Когда же я впервые попробовала сыр?

Задумалась.

– Наверное, лет в семнадцать, когда приехала из своей деревни в город.

Ее отъезд из деревни был неожиданным.

На деревню пришла разрядка на парней и девушек для работ на торфоразработках. Это было что-то среднее между каторгой и поселением. Но отправляли туда только холостых и незамужних.

Ее старшую сестру родители быстро выдали замуж за соседского парня. Сестра не хотела идти за нелюбимого, но отец был строгих правил: вытащил ее за косы из-под кровати, дал в руки перину с подушками и отправил под венец.

Ей же, младшей дочери, еще не было восемнадцати – замуж не выдашь, да и на торф рано. Но разрядка – не замужество. Попроще. Да и парней в деревне для женитьбы больше не было: одних поубивало в войну, другие были еще сопливые, не выросли.

В сельсовете думали-думали, да и отправили ее.

И поехала она в свои семнадцать на торфоразработки. Но ее это не пугало.

– Эх, молодость, молодость...

Она отрезала еще кусочек сыра. Взяла его в руки и посмотрела на свет. Она очень любила российский сыр: нежный, чуть-чуть с солинкой, маслянисто-свежий.

– Где же я впервые попробовала это чудо? На торфе? Нет, пожалуй не там.

На торфоразработках было много работы и мало еды. Спали все вместе в больших военных палатках.

Но все же здесь было электричество, радио и танцы. И хотя она сама не танцевала – стеснялась, – ей на танцы ходить нравилось.

Новая жизнь – необычная, интересная.

И поэтому она, после отбывания торфяной повинности, в деревню не вернулась, а завербовалась вместе со своими новыми подружками на строительство автогиганта в областном городе.

Поселили их в чистом и аккуратном бараке. В комнате их жило четверо подружек. Кругом висели лозунги и призывы. Из уличных репродукторов гремела задорная музыка.

Работу им определили на котловане. Дали каждой в руки по лопате. На двоих – одни носилки. Знай – копай.

Работали по-ударному. Хоть и уставали смертельно, но не унывали.

Через три года завод пустили.

Все было торжественно. Выдали премии. Ей достался отрез на платье. В заводском клубе был вечер: накрытые столы, очень интересный концерт. Вот там-то она и попробовала сыр.

Сначала он ей не очень понравился – как творог прокисший, и она после этого долго его не ела.

Настоящий вкус сыра она поняла гораздо позже.

Это случилось тогда, когда она встретила Его.

После окончания строительства она осталась на заводе. Ее взяли на конвейер на операцию установки задних мостов полуторки – первого советского грузового автомобиля.

Из барака она переехала в заводское общежитие, находящееся в каменном доме, в комнате на троих. В комнате была даже маленькая кухня.

Работа была тяжелая, но, пока была молодая, она этого не ощущала.

В отпуск ездила в деревню, покупала всем подарки.

Деревня жила своей жизнью.

Сестра нарожала кучу детей. Муж ее пил, как, впрочем, все деревенские мужики. Пруды зарастали. Дороги становились хуже и хуже. Возвращаться туда желания не было.

Однажды по профсоюзной линии ей дали бесплатную путевку во Владикавказ.

Юг показался ей раем, а санаторий, с его экзотическими деревьями и аккуратными дорожками, райским садом.

Вот там она и встретила Его.

Высокого, красивого, щедрого, с романтической профессией сталевара.

Они гуляли по вечерам. Голову кружили запахи южных цветов. Объятия сильного мужчины становились все настойчивей и настойчивей, и она сдалась.

Дни пролетели, как один час. Он уехал первым, пообещав написать.

И не написал.

А вскоре она с ужасом поняла, что беременна и что, кроме имени и профессии, ничего о своем любимом не знает.

Вот тогда-то она и полюбила сыр. Причем только «российский». Ела его помногу, с жадностью, тайком, понимая, что ее аппетит может вызвать у людей вопросы, не совсем ей приятные.

Аборты в те годы были запрещены, и ей ничего не оставалось, как рожать. Она уже примирилась с этой мыслью, но ото всех, особенно от подруг по комнате, тщательно скрывала свое интересное положение. И, может, все было бы нормально, но работа на конвейере была не для беременных. И однажды днем, ближе к обеду, когда она устанавливала очередной задний мост на новую модель отечественного грузовика, острая боль в животе заставила ее бросить многопудовую железку и с криком скорчиться на бетонном полу.

Ее увезли в больницу.

Из больницы она вышла сильно похудевшая. Ей дали больничный на три дня. Все три дня она пролежала в общежитии на койке лицом к стенке, а на четвертый вышла на работу. Теперь к мужчинам она стала абсолютно равнодушна и вела себя при ухаживаниях грубо и агрессивно. На работе к этому со временем привыкли и закрепили за ней прозвище «старая дева».

Только один раз, когда через двадцать лет работы на автогиганте ей дали крохотную комнату в коммуналке, к ней ночью стал ломиться пьяный сосед, разругавшийся со своей женой. Но дверная задвижка выдержала.

Она, привыкшая за долгие годы к одиночеству, была так напугана, что чуть не выбросилась из окна. Пьяный дон-жуан, побушевав в коридоре, вернулся в свою комнату.

А наутро жена пьяницы прошла мимо нее с надутыми губами и обиженным видом. Так и осталось непонятным, за что женщина на нее обиделась. То ли от того, что пьяный муж перепутал двери, то ли за то, что она не пустила ее любвеобильного мужа к себе.

В этой комнатухе она прожила еще двадцать лет.

И уже перед самой пенсией ей дали отдельную однокомнатную квартиру в панельной пятиэтажке. Тогда-то она купила первый в своей жизни холодильник и стала регулярно покупать сыр, который стоил тог

да дешево, но появлялся в магазинах очень– очень редко. Поэтому покупала она его сразу по два-три килограмма и, нарезав кусками, хранила в кастрюльке, которую держала в холодильнике.

Перед пенсией ее наградили медалью «За доблестный труд». Благодаря этой медали, она получила право бесплатного проезда в городском транспорте.

Теперь она на пенсии.

Подруг не было. Родственники ее уже забыли. Поэтому ей никто не мешал жить спокойно в своей старости. И любить сыр. Благо, его теперь на каждом углу разных сортов и видов сколько хочешь. Правда, и цена стала очень-очень большой: килограмм – ровно треть пенсии.

Ей уже под семьдесят, но она по-прежнему читает только заводскую газету, регулярно ездит на собрания акционеров завода – ей досталось несколько десятков акций. Правда, никаких денег за свои акции она не получала, поэтому единственный источник для приобретения сыра – пенсия.

Она всем довольна. Все старое забылось, а новое обходит ее стороной.

И сыр теперь всегда свежий.

Даже зубов не надо, чтобы его есть. Можно сосать, как конфетку.

А вот конфетки она не любила.

Баловство это.

7. Коллеги

Эта прогулка по парку была приятной как для Оли, так и для Коли.

Они были коллегами по работе и целыми днями сидели друг против друга за кульманами, и чертили, чертили, чертили. И вот решили наконец прогуляться после работы. К тому же и повод был: они в отделе распили бутылку вина по случаю перехода Коли в другой проектный институт.

Взявшись за руки, Коля и Оля шли по осеннему парку.

Вечерело.

Гравиевая дорожка темнела.

Деревья становились все менее и менее прозрачными.

Воздух остывал и слегка освежал тронутые вином головы.

Но не настолько, чтобы уберечь Олю и Колю от похода в темные заросли боярышника.

Коля жарко целовал Олю.

Оля присела на пенечек, а затем сползла на холодную, слегка сыроватую траву.

Когда Коля оказался на Оле, Оля подумала, что ее светлое пальто из ламы, наверное, испачкается.

А Коля возился и все шептал ей на ухо, что все хорошо, что он сделает так, что ни детей, ни проблем не будет, а будет очень приятно.

А кому будет приятно, он не уточнял, только вдруг замолчал, заскрипел зубами и, замерев на минуту, вскочил с Оли. За Колей встала Оля, отряхнула пальто, поправила колготки и стала смотреть на Колю.

А Коля отвернулся от Оли и заговорил, что ему пора и, вообще, что-то стало холодать.

Оля догадалась, что Коле уже было приятно, а она так и не поняла, было ей приятно или нет.

Коля, как истинный джентльмен, проводил Олю до выхода из парка и, остановив такси, уехал.

Оля потопала на остановку троллейбуса.

В троллейбусе она, очарованная вечером, забыла купить билет, и ее оштрафовали на три рубля как «зайца».

На следующий день Коля уже не вышел на работу к своему кульману и, очевидно, чертил свои чертежи уже в другом отделе напротив другой «Оли». А наша Оля стала забывать о том вечере в осеннем парке.

Но вечер не забыл ее.

Оля, ранее почти никогда не болевшая, стала чувствовать постоянные недомогания. Подружки по работе, зная ее мертвое, одиночество и не зная о той вечерней прогулке, стали гадать, что же с ней. И, конечно, пошли советы и народные консультации.

В начале Оля села на одуванчиковую диету, по совету подруги Риммы. После месяца жевания одуванчиков ей не стало лучше. Даже стало немного хуже.

Тогда подруга Вика посоветовала ей лопуховую диету. Правда, лопуховая закончилась еще раньше, чем одуванчиковая, так как Оля при профилактическом осмотре совершенно случайно, просто из чистого любопытства, пройдя уже всех врачей, зашла к гинекологу.

Гинеколог, старая женщина, осмотрев ее, закурила папиросу и спросила:

– И что, девочка, вы не знаете, что беременны?

На это Оля категорически возразила, что этого не может быть, потому что быть не может. У нее никогда не было никаких отношений с мужчинами. А при отсутствии мужчин у нее должна отсутствовать и беременность как таковая. Оля говорила так убедительно, что ста-

рая добрая женщина-гинеколог затушила папиросу и, наверное впервые в своей практике, повторно осмотрела Олю.

Осмотрев, опять закурила и сказала:

– Девочка, у вас беременность. Седьмой месяц.

– Но у меня же нет живота, да и не от кого.

– Живота у вас нет, наверное, от одуванчиков. А вот от кого он должен быть, тебе все же, деточка, надо бы вспомнить.

Оля села на кушетку и стала вспоминать, но ничего не могла вспомнить, кроме разве того вечера в парке.

– Вы знаете, – сказала Оля врачу, – было один раз в моей жизни. Я гуляла по парку с коллегой. Но он никуда мне ничего... И все, больше у меня ничего не было.

На что уставшая тетя-врач сказала:

– Зря вы, доченька, претендуете на роль Богородицы. Непорочного зачатия вот уже Две тысячи лет не происходило.

Подругам Оля тоже толком ничего не могла объяснить. И из ее бессвязного рассказа о посещении врача-гинеколога они, правда, поняли, что непорочных зачатий не было уже две тысячи лет, а также они узнали про коллегу и прогулку с ним по парку.

Вывод у всех подруг: и у Риммы, и у Вики был один:

– Дура ты, Ольга. Семь месяцев! Будешь рожать?

– Я рожать? – удивилась Оля.

И через два месяца родила двойняшек Олю и Колю.

Мальчика в честь папы, а девочку в честь мамы.

Маленькая Оленька была вылитая папа Коля.

А маленький Коля был вылитый мама Оля.

– Это хорошо, – сказали подруги. – Народная примета: если дочь похожа на папу, а сын – на маму, то будут счастливы.

Подруги мамы Оли со временем, видя ее полную инертность по установлению отцовства, все же сообщили бывшему коллеге Коле о рождении у него или от него двух прекрасных двойняшек. Одного, причем, назвали в честь него.

– Кого назвали? – переспросил он по телефону подруг Оли и своих бывших коллег.

– Мальчика, конечно, – сострили подруги.

Коллега Коля этой остроты не понял и бросил трубку. После этого все дальнейшие попытки связаться с ним по телефону стали заканчиваться безрезультатно.

Сама же Оля ни на уговоры подруг, ни на предложения об установлении отцовства не реагировала никак. Она, хотя у нее и появились дети, считала это событие весьма странным. У нее были большие сомнения в причастности к этому Коли, хотя других мужчин, кроме него, у нее никогда не было. И появление своих детей она для себя объяснить никак не могла. А так как все было довольно-таки сложно и запутанно, то от этих раздумий у нее начинала болеть голова, поэтому она решила, что никого беспокоить не надо. Малыши, как ни крути, были ее, а это самое главное. И она стала их растить.

Правда, в этом ей помогали многие: и подруги, и родители, и даже собес.

Ее все устраивало. Ничего не беспокоило.

И вдруг через пять лет ей позвонил – кто бы вы думали? – да, да, папа ее детей, коллега Коля.

– Николай, – представился он.

– Какой Николай? – почему-то сразу испугавшись, переспросила она.

– Тот самый.

– Какой «тот самый»?

– Неужели не помнишь?

И он приглушенным голосом стал говорить, как бы на ухо:

– Осенний вечер, парк, аллея и наши с тобой объятия, а затем... – голос его изменился, – наши с тобой двойняшки – Оля и Коля. Коля, кстати, назван в честь меня.

– В честь кого? – машинально переспросила Оля.

– В честь меня. В честь кого же?

– Да, да, – испуганно быстро согласилась она. – Конечно, в честь тебя, – и добавила: – Я рада, что ты позвонил.

– Знаешь, Оля, ты так долго прятала от меня моих крошек, что я ужас как, соскучился по ним и поэтому очень хотел бы их увидеть. Приезжайте ко мне. Я живу в собственном доме, точнее коттедже. Приезжай в выходной, я посмотрю на детей, ты согласишься, как я живу, – и, добавив: «Целую», он положил трубку.

Оля приняла или восприняла это приглашение как приказ и, конечно, сразу решила ехать, хотя подруги, которым она; рассказала об этом звонке, отговаривали.

– Нечего ехать. Пусть подождет, помучается.

Но она в воскресенье, взяв такси, ровно в двенадцать подъехала к дверям шикарного загородного коттеджа в престижном районе пригорода.

Правда, приехала одна. Без детей. Уж очень все это было неожиданно.

Она подошла к высокому забору.

Позвонила.

Залаяли собаки.

Что-то там за забором лязгнуло, щелкнуло, и распахнулась неприметная дверь в высоком металлическом заборе.

Дверь распахнул Коля.

Одной рукой он держался за ручку двери, другой держал за поводок двух огромных буль-терьеров, которые рвались из его рук и готовы были прямо разорвать любого, кто находится за пределами забора.

– А, это ты? – как бы удивился Коля и, сказав собакам: «Свои», после чего те сразу успокоились, добавил: – А дети где?

Оля посмотрела на Колю, на собак и вдруг подумала, что правильно сделала, что не взяла с собой детей.

– Дети немного приболели, – нашла она, – в следующий раз привезу.

– А, – недоверчиво промолвил Коля, – ну тогда проходи.

А Оля машинально про себя добавила: «Раз уж приехала».

Она перешагнула порог коттеджа и попала в другой мир: чистый, красочный, аккуратный. Красивые гравийные дорожки, цветы, газоны, кустарники – все было ухожено, аккуратно подстрижено.

Дверь с лязгом захлопнулась, две псыны приблизились к ней, обнюхали и, завиляв хвостами, отошли в какой-то загончик из хромированной сетки.

Коля наслаждался эффектом.

– Что, не ожидала?

– Да, не ожидала.

– Ну, проходи в дом. Там еще не то увидишь.

Они прошли в дом.

Дорогая мебель, люстры, ковры, картины. Везде чистота и порядок.

Он провел ее в гостиную под пальму с маленьким водопадом. Не спрашивая налил ей в тонкую хрустальную рюмку французского коньяка. На закуску предложил лимон, порезанный тонкими дольками и выложенный на золотом блюде с золотой вилочкой.

Себе налил сок в небольшой фужер из серебра. Предложил тост:

– За нас.

Оля подняла рюмку. Чокнулись.

Она пригубила. Он отпил сок. Поставил фужер на салфетку и, откинувшись на спинку, спросил:

– Удивлена?

Оля пожала плечами, как бы отвечая «не знаю».

– Просто надо было вовремя сгрести то, что плохо лежало. Вот я и сгреб кое-что в нашем КаБэ. Заплатили хорошо. Купил коттедж. Живу богато. Да ты пей, пей.

Он опять наполнил ей рюмку.

– А ты? – спросила она.

– Я не пью, не курю и, вообще, слежу за своим здоровьем.

Коля неожиданно вскочил, стащил с себя рубашку и стал демонстрировать мускулы своих рук и торса и даже работу своих внутренних органов. Затем, вновь натянув на себя рубаху, спросил:

– Ну как?

Оля опять пожала плечами.

Коля шумно сел и сердито буркнул:

– Зря ты так. Я с открытым сердцем. У меня до сих пор никого нет. Да сейчас и иметь-то опасно, только и норовят что-нибудь откусить или украсть. А тебя знаю давно, и дети уже выросли. Да и скучно мне.

Может, поживем вместе? С детьми.

Оля, выпив рюмку коньяка, согласилась почему-то:

– Поживем.

Коля, услышав это, вскочил.

– Вот и замечательно. Ты давай в следующий раз приезжай с детьми. Хорошо?

И с этим словом Коля проводил Олю за забор.

С лязгом захлопнулась дверь.

Вечером Оля рассказала подругам о своем посещении Колиного коттеджа.

Девчонки много вздыхали и предполагали. Одна даже вспомнила, что слышала о какой-то афере в том секретном КаБэ, где работал Коля. Говорят, что многих посадили, а те, кто остался, прямо озолотились. Но всем было непонятно, что же хочет Коля от Оли. Его слова о скуке мало кого убедили, точнее никого, кроме Оли.

Оля сказала подругам:

– Не знай как вам, а мне почему-то его стало жалко. Пусть он богатый и здоровый, все равно какой-то брошенный. Один с собаками. И у собак-то имена какие-то странные – Крис и Кельми. Детей я ему, конечно, сразу не повезу, а вот сама поезжу, пригляжусь.

И Оля стала по выходным ездить к Коле приглядываться. Тем более что и раньше-то, пять лет назад, она его больно-то и не знала. Коллега и коллега.

Наконец наступил день, когда она повезла к нему детей. Она не знала, что получится из этого визита, поэтому сказала детям, что они едут к их будущему папе на прогулку.

Когда приехали, и Коля-старший открыл им дверь, то собаки, уже привыкшие к Оле, заскулили и завилили хвостами. А она, держа детей за руки, подозвала собак и сказала:

– Дети, это вот Крис и Кельми, а это... – она показала на Колю, запирающего дверь в заборе, – как вы, наверное, догадались, ваш будущий папа.

Ни Коля-младший, ни Оля-младшая на эти слова не среагировали. Они бросились к собакам и стали с ними возиться. Коля сразу залез Крису в пасть, а Оля стала крутить уши Кельми. Псы, поджав хвосты, не лаяли, только скулили.

Коля-старший обиделся, что дети бросились к собакам, а не к нему – их родному отцу. Он отогнал собак и, взяв детей за руки, провел в дом. Там он поставил их перед собой и стал серьезным голосом внушать, что он – их отец и теперь будет заниматься их воспитанием. При

этом он решительно пресек попытки Оли-младшей поковырять в носу и Коли-младшего оторвать кусочек дорогих итальянских обоев.

Потом они осмотрели дом, шагая по нему тихо и осторожно под присмотром папы, затем пообедали, причем за обедом узнали, что кока-кола – очень вредный продукт, от мороженого бывает ангина, а от шоколада – какой-то страшный диабет.

Дети сникли.

Оля заскучала.

Вновь обретенный отец опять стал демонстрировать свои мускулы. Говорить о правильном поведении и рачительности в средствах. Показывать дорогие вещи и предупреждать, что ничего нельзя трогать руками. И туалетом надо пользоваться осторожно, так как весь фарфор там швейцарский.

И мылом мыться аккуратно: мыло французское.

Так за нравочениями и предупреждениями прошел день.

Вечером, возвращаясь домой в трамвае, уставшие и притихшие Оля с Колей прижались к маме, не сговариваясь, одновременно спросили:

– Мама, а зачем нам этот папа?

Оля промолчала, а про себя подумала: «И правда, зачем?»

8. Рука королевы

«Только бы не споткнуться, только бы не споткнуться», – билась в голове, вместе с учащенным пульсом, одна-единственная мысль.

Я бежал, нет, летел, как мне казалось, над ковровым паркетом королевского дворца, боясь ступить как-нибудь не так и ужасаясь от мысли, что могу споткнуться.

Меня сегодня допустили до Руки! До Руки Королевы!

И я смогу ее поцеловать!

Прижать свои губы к руке божественного существа.

Какая честь!

Какое счастье!

Королева сидела на троне, сверкающем алмазами, в самом конце зала, и я, обмирая сердцем, с каждым шагом приближался к заветной мечте каждого мужчины.

Рука Королевы лежала на золотом подлокотнике высокого трона и слегка подрагивала.

Я приближался...

Сколько раз я проделывал этот путь – от дверей к трону – в своих мечтах!

Сколько раз я упражнялся в пустой комнате, степенно нагибаясь над перчаткой, лежащей на краешке полированного стола.

Сколько сладостных моментов я пережил в предчувствии этого волшебного дня – один бог знает!

И вот сейчас это свершится.

Господи, помоги!

Королева разговаривала, полуобернувшись, с кем-то из вельмож, имевших высокую честь стоять за тронем, и, казалось, не замечала меня.

Но это ничего не значило.

Важно было то, что я уже сумел приблизиться к трону. Если Королева позволит мне, уже приближенному к ее трону, поцеловать ее руку, это будет означать, что я допущен.

Осенен королевской милостью.

А милость Королевы не знает границ.

И вот я уже у самого трона.

Вот уже у самой Королевской Руки.

Дрожа всем телом, я склонился в верноподданническом поклоне. Потекло время.

Королева все разговаривала.

Меня бросило в жар.

Королева не обращала никакого внимания на меня, на «ничто», стоящее на полусогнутых ногах у ее трона.

Вокруг зашептались.

И в ту минуту, когда в мою сторону уже двинулась стража, Королева глянула на меня мельком, чуть-чуть, и отвернулась, но при этом шевельнула мне мизинцем.

И все!

Этого достаточно.

Я упал на колени и принял осторожно, трепетно и нежно к Королевской Руке.

Рука была белая-белая, с нежными, едва заметными сосудами.

Ногти – отполированы до зеркального блеска.

Перстни блестели и переливались, как сказочные сокровища.

Я приблизил лицо к чуду королевской плоти и, задохнувшись, зажмурившись, коснулся этой божественной кожи своими пересохшими губами.

Чуть-чуть, на одну-две секунды.

Как она пахла! Свежестью, чистотой!

Я с поцелуем вдохнул этот аромат и, почти теряя сознание, отодвинулся от моего счастья бережно и осторожно.

Мизинец Королевы продолжал шевелиться, он как бы и не заметил моего поцелуя.

Пусть.

Зато все вокруг видели, что я был допущен. Что я целовал Королевскую Руку!

Поцелуй был!

Я встал. Поклонился и осторожно попятился к дверям, не отводя затуманенного слезами взора от Королевской Руки.

Потом медленно повернулся и, счастливый, вышел из зала.

За дверями ко мне бросились эти... недопущенные.

«Как, да что, да какая она, Королевская Рука?» Я степенно окинул их, нетерпеливо ждущих, брезгливым взглядом и сказал громко, чтобы все слышали:

– Прочь!

Прочь с дороги. Или вы ослепли и не видите на моих устах печать божественной Руки Королевы?

Я-допущенный!

9. Курилка

Каким же было мое удивление, когда я увидел, что женщина курит. Мне в ту пору было пять лет, и в моем детском мире, а значит, и во всей Вселенной, курили только мужчины, а женщины – ни – ни.

То, что женщины иногда выпивали рюмочку-другую сладкого вина, я знал.

Что мужчины и женщины целуются, и от этого появляются дети, тоже знал.

Но то, что женщина может курить, для меня было полной неожиданностью.

Когда я высказал это свое удивление маме, она просто отмахнулась от меня, сказав:

– Это не женщина, это тетя Нина-курилка.

Итогда я понял, что эта курящая тетя какая-то особенная.

Не как все тети.

Она и на самом деле была особенная. Жила одна в своем бревенчатом доме на окраине города. В ее саду за домом цвела и плодоносила крупная «Родительская» вишня, а в глубине росли разлапистые яблони с белыми, как сахар, прозрачными на свет яблоками.

Но мы, мальчишки, редко лазили в ее сад, так как там жили самые страшные для нас существа – злые жужжащие пчелы. Всех, кто попадал в их поле видимости, они ужасно и безжалостно жалили. Всех, но только не тетю Нину-курилку.

И вообще люди поговаривали, что тетя Нинка-курилка знала язык пчел, и поэтому они ее слушались и приносили много сладкого и желтого, как солнце, меда.

И эта необычная женщина с ее умением курить и разговаривать с пчелами, волшебным садом и сладкой вишней тянула меня к себе, как магнитом. И как-то так незаметно мы с ней подружились.

Тетя Нина была веселой и жизнерадостной, как, впрочем, и дом, в котором она жила, и сад с вишнями, пчелами и яблонями – все было пронизано какой-то легкостью и жизнелюбием. А курить, как оказалось, она начала из-за пчел.

Отец ее умер рано, когда она еще не полностью освоила уроки пчеловодства, и чтобы ухаживать за пчелами и собирать мед, ей пришлось закурить. Сначала курила для дыма, чтобы ее не кусали пчелы, а потом это вошло в привычку.

Мужа и детей у нее никогда не было, да и родственников тоже. Так что меня она полюбила как сына. А мне за эту необычную дружбу часто попадало от родителей.

И правда, что может быть хорошего от дружбы мальчика со взрослой одинокой женщиной, курящей и даже пьющей. Она делала такое количество медовухи, что не успевала ее продавать, поэтому остатки пила сама.

Иногда у нее появлялись любимые мужчины. Но ненадолго. Что-то с ними у нее никак не ладилось, хотя в эти дни она не пила и не курила. Может, поэтому у нее и не ладилось.

Я рос.

Тетя Нина жила.

Выпивала, курила и принимала на какое-то время случайных мужчин. Продолжала быть веселой и задорной.

Но я все время смотрел на нее и ждал.

Ждал, когда же она помрет.

В этом были уверены все: и мои родители, и все наши соседи, и участковый, и моя школьная учительница.

А она все не умирала.

Она своим проживанием в нашем обществе подрывала моральные устои, правила долгожительства и авторитет медиков, которые всегда утверждали, что пить, курить и прелюбодей-

ствовать нельзя, даже по отдельности это все вредно для здоровья, а в совокупности – просто смертельно.

Нам, детям, показывали на нее пальцем и говорили:

– Видите, какая плохая тетя, она курит, поэтому скоро заболеет и помрет.

А когда тетя Нина, шатаясь, шла к своему дому, опять показывали пальцем и говорили:

– Видите, какая тетя бяка. Она пьет бяку и поэтому скоро умрет.

А женщины, наши мамы, обсуждали каждое романтическое увлечение тети Нины, стоя кучками, и обязательно прогнозировали ей кучу болезней.

А Нинка-курилка не умирала и не умирала. Она даже никогда не болела. Только простудой, и то быстро вылечивалась своей крепчайшей медовухой.

Так текли годы.

Я вырос и ушел в армию.

Вернулся.

Женился.

Но не закурил и не стал пить, как моя знакомая. По праздникам, конечно, выпивал, но немного. Видимо, это постоянное ожидание смерти человека, к которому сильно привязан в детстве, действует как тормоз на все вредные привычки.

Наконец у нашего поколения пошли дети, которые подросли. И уже они стали лазить в сад Нинки-курилки. И уже мы стали пугать их пороками этой женщины, мы, которые сами выросли на этих страшилках.

У многих моих ровесников стали умирать родители.

А тетя Нина-курилка как жила, так и продолжала жить и ухаживать за своими вишнями, яблонями, пчелами.

Когда мне исполнилось тридцать лет, по воле судьбы я покинул родные края и почти двадцать лет прожил вдалеке не только от своей малой родины, но и от своей страны. Но, выйдя на пенсию, вернулся и местом жительства выбрал свой город, где родился.

Он сильно изменился.

Я, как только обустроился, поехал туда, где прошло мое детство.

Кругом были новостройки, широкие проспекты.

Но домик с садом тети Нины-курилки стоял. Только уже не на окраине, а почти центре.

Честно говоря, я никак не думал увидеть ее в живых. Но в калитку все же постучал.

Навстречу вышла она. Старая, седая, но с острыми глазками и неизменно: папироской во рту. Я даже вскрикнул:

– Тетя Нина, жива!

– Жива, жива, а что мне делается, же вся законсервирована спиртом да никотином.

С этими словами она обняла меня и провела в дом.

Дом постарел. И сад постарел. Вишни почти не было, яблони одичали, пчелы исчезли. Оставшиеся ульи, вросшие в землю, гнили.

«Да, старость, – подумал я. – А сколько же ей лет? Ведь она, на сколько я помню, была даже постарше моих родителей. А сейчас не то что родителей, моих сверстников многих в живых нет, а она живет».

В доме тетя Нина пошарила по углу буфета, поставила на стол бутылку водки закуски, Я прямо оторопел.

– Тетя Нина, ты выпиваешь?

– Конечно.

В это время за перегородкой кто-то закашлял.

– Кто там? – спросил я, поняв, что она не изменила своим традициям.

– А, это мой знакомый. Сейчас живет у меня.

Из-за перегородки вышел парень. Не скажу, что молодой, но где-то средних лет, хотя и не совсем свежий.

Мы втроем выпили по рюмке.

Парень сразу захмелел и пошел спать, а мы выпили еще по одной и долго сидели вдвоем, вспоминая наши дворы, знакомых из того далекого времени.

Когда я пришел домой, жена удивилась, что от меня пахло водкой, но она удивилась еще больше, когда я сказал, с кем выпивал. Вы бы только видели ее лицо.

Но оказалось, что и у тети Нины все же был конец жизни. Как бы она не была проспиритована и прокурена, она умерла. Умерла в девяносто шесть лет.

Хоронил ее я.

Ее очередной жених сбежал сразу же после ее смерти, прихватив с собой все мало-мальски ценное, а родных, как вы знаете, у нее не было.

Но до сих пор стоит она перед моими глазами – радушная, добрая женщина, с мягкой улыбкой, давно привыкшая к укорам и насмешкам в свой адрес и давно простившая всех, кто пытался стать судьей в ее судьбе, данной ей только Богом.

10. Урок истории на дому

Седьмой класс «Б».

Урок истории.

Ведет урок молодая женщина лет двадцати трех.

Светлые волосы, голубые глаза, белая в темно-синий горошек приталенная кофточка, серая прямая юбка, высокие красивые ноги, модные туфли на тонких шпильках.

Строгая.

Недоступная.

Два года назад, после окончания института, она вышла замуж за молодого лейтенанта, и год назад они переехали, уже семьей, из провинциального поселка в этот большой город.

Детей не было.

Пока не хотелось.

Хотелось любви, красоты и чего-то необыкновенного и таинственного.

Она ненавидела школу, свою профессию, глупых подруг, свое поспешное замужество и самого мужа.

В груди пульсом билась тоска.

Непонятная, зовущая.

Она оглядела класс.

Продиктовала задание и медленно пошла между рядами.

Затылки.

Косички.

Мальчики – девочки.

Все одинаково глупы и наивны.

Кроме одного.

Этот ученик с самого начала почему-то волновал ее.

Волновал как женщину.

Сидел он за второй партой в правом ряду.

Кареглазый, с большими темными ресницами.

Стройный, красивый.

А по характеру больше похожий на девочку – робкий, стеснительный.

Вот и сейчас... Она подошла к нему сзади и наклонилась как бы проверить, что он пишет.

Но в тоже время как бы невзначай уперлась грудью в его плечо.

Он вздрогнул и съежился.

Шея его стала заливаться бордовой краской.

Уши побелели, покрылись мелкими бисеринками пота.

Он медленно повернул голову и удивленно, даже, пожалуй, с испугом посмотрел ей прямо в глаза.

А она, как ни в чем не бывало, потрепала его по затылку, сказала что-то, относящееся к уроку, и пошла дальше.

После урока она задержала его в классе.

Поговорив по теме сегодняшнего урока, предложила ему придти к ней сегодня домой, часов в семь вечера, чтобы позаниматься дополнительно.

У нее, сказала, есть старинные интересные книги по истории Древнего Рима. Она знала, что Рим его очень интересует.

Мешать им никто не будет, мужа услали на полевые учения.

Всемь вечера он был у ее дверей.

Сердце полыхало.

Было предчувствие, что сегодня за этой дверью его ждут не только интересные книжки. Она была одета по – домашнему.
Легкий халатик.
Тапочки с помпончиками.
Волосы распущены.
Он сел за стол.
Она принесла книгу, положила перед ним.
Потом пошла еще за одной.
Халатик был очень короткий и от этого ее белые ноги так и лезли в глаза.
Он открыл книжку, попытался читать.
Она обошла стол и встала напротив него.
Потом наклонилась к нему.
Верхние пуговички на халатике расстегнулись.
В распахе стала видна вся грудь.
Унего застучало в висках.
Он опустил взгляд вниз, на книгу, но ничего там не видел – буквы расплылись, строки дрожали, – но он все боялся поднять глаза.
Она выпрямилась.
Обошла стол, взяла его за подбородок и поцеловала прямо в пылающие губы.
Он вскочил, словно его подбросила пружина.
Схватил ее за талию.
Прижался плотно к ее телу.
Потом еще плотней и еще... и обмяк.
Ему вдруг сделалось неловко и стыдно от всего того, что здесь творится.
А она, ничего не замечая, продолжала осыпать его поцелуями и, ломая пуговицы, все расстегивала на нем рубашку.
И тоже вся горела и дрожала.
Вдруг она почувствовала – что-то не так.
Он уже не прижимался к ней, наоборот – осторожно и несмело отстранялся.
И вдруг жалобно запросился домой.
Она вначале растерялась, но тут же что – то решив для себя, стала еще настойчивее сдирать с него одежду.
Он ужом завертелся в ее руках, не позволяя ей проникать слишком далеко.
Она уже начала злиться, но вдруг нащупала причину столь резкой перемены и моментально поняла, что с ним случилось; сразу успокоилась сама и стала успокаивать его, нежно и участливо шепча на ушко ласковые слова.
Осторожно, подбирая слова, она стала убеждать, что это вполне нормально, что так бывает со всеми и это значит, что он уже настоящий мужчина.
А когда он совсем успокоился, поцелуями уложила его на диван и стала накрывать их обоих – очень медленно – байковым одеялом.
Он все дрожал и трогал ее тело неловко, словно не знал, куда девать руки.
Она прижалась к нему под одеялом, готовая идти до конца, как вдруг услышала едва слышный шепот:
– Скажите, а это... не больно?
А потом, сидя в ее ванной по горло в пене, он все заглядывал ей в глаза испрашивал: вот это все, что было с ними, и есть та самая любовь?
И она, намыливая ему голову, отвечала:
– Да, конечно.
Он пытался уточнить с наивной настойчивостью:

– Значит, вы меня любите и, выходит, я вас тоже люблю?!

– Наверное, – отвечала она, вытирая его полотенцем.

Он вертелся в ее руках худеньким телом. И продолжал выяснять:

– А как же ваш муж?

Она поднимала взгляд к потолку и говорила ему, что все будет хорошо и с ним, и с ее мужем.

На это он удивлялся:

– Разве можно любить двоих?

Она смеялась, поила его чаем, и говорила, что он еще совсем глупенький, но хорошенький.

Домой он возвращался, переполненный гордостью.

Теперь он как равный шагал рядом со взрослыми дядями, стараясь даже ступать с ними в ногу.

Он стал мужчиной!

У него есть любимая женщина.

И она его любит.

Правда, он немного огорчился при воспоминании о её муже. «Но раз у нее теперь есть я, то ее муж ей совсем уже и не муж».

И от этой мысли он веселел, подпрыгивал, обрывая листочки на весенних топольках.

Его переполняли великие перемены сегодняшнего дня.

Но как назло никто из друзей и приятелей на пути не попадался.

Было уже поздно.

Вот и дом.

«Может, рассказать обо всем маме?»

Но, войдя в подъезд, он передумал.

«Нет, пожалуй, маме говорить неудобно, лучше папе».

Вызвал лифт. Зашел в него. Поднялся к себе на седьмой этаж и засомневался: «А как начать? Нет, уж лучше я расскажу брату, он ведь все равно проболтается родителям. А тогда и я расскажу».

От этого решения ему вдруг сделалось легко и весело.

Он подошел к своей двери.

Улыбнулся чему-то своему.

И нажал кнопку звонка.

Звонок резко задребезжал.

Он вздрогнул.

Дверь открылась.

И он шагнул за порог...

11. Львица

Согласитесь, что погода на улице очень часто влияет на ваше настроение.

Например, февральская неожиданная слякоть воспринимается весьма болезненно не только элегантными женскими каблучками, но и их хозяйкой. Поэтому высокая, стройная женщина лет сорока, с пышными огненными волосами, одетая по самой последней моде, как бы не пыталась обойти слякотные места на тротуаре, вошла в ресторан «Мон Пари»; уже без улыбки, недавно так загадочно украшавшей ее прелестные губки.

Но радушный прием администратора и вежливая готовность официанта – мальчика в красном жилете и белом фартуке —

развеяли ее слякотное настроение. Она улыбнулась встречавшему ее ресторану и прошла к столику на двоих в уютном уголке зала. Официант помог снять шубку и вежливо спросил:

– Вам как обычно?

– Да, фужер вина.

Она вынула из сумочки тонкие сигареты и золотую зажигалку.

Официант принес бокал рубинового «Божоле», поставил на стол и с ее молчаливого согласия взял элегантную зажигалку и, щелкнув, поднес язычок пламени к сигарете. Сказав «спасибо», она затянулась, сделала маленький глоток вина и, поставив! бокал на столик, стала смотреть на улицу.

В непогоде ходили люди.

Мужчины и женщины.

Особенно много было женщин.

Они прямо так и мелькали за окном.

«Боже мой, как же нас много», – и она отвернулась от окна.

Большое количество женщин, серые, рваные облака над городом опять испортили ее настроение. И хотя у нее сегодня было свидание, которого она ждала, это ностальгическое настроение как-то поубавило ощущение праздника. От этого всплыли грустные воспоминания.

Она вспомнила своего бывшего мужа – слабовольного мечтателя, лентяя и пьяницу. Затем своего первого любовника, намного старше ее, боявшегося всего на свете: жены, начальства, людей на улице. Потом вспомнила второго, третьего... Вроде бы все они были разные, но как близнецы похожие друг на друга в своих однотипных привычках и примитивных желаниях.

Ни один не грел ее душу.

Отчего?

Может, это от ее самостоятельности, красоты и ума? Может, это оттого, что все мужчины чувствовали себя рядом с ней неловко, стесняясь своей косноязычности и скудной эрудиции. А может, это и не так. Может, мужчины, которые были у нее, как– то уж слишком переоценивали ее. А может, и нет. Хотя, как правило, при знакомстве мужчины после нескольких минут общения почему-то переходили с «ты» на «вы», а не наоборот.

А ей хотелось, чтобы мужчина был не просто сексуальным партнером, а ее частью, ее половиной. Чтобы он ей «тыкал», шутил, рассказывал что-то интересное, был с ней на равных.

А предпоследний ее любовник – парень; лет тридцати пяти, как оказалось недавно приехавший из провинции, – настолько всегда волновался при встрече с ней, что; быстро напиившись, а после этого или засыпал, или только злился, что у него не получается с ней ни разговора, ни секса.

От этих мыслей настроение еще больше испортилось.

Она даже нахмурилась.

Опять сделала глоток и подумала, что жизнь таких женщин, как она, не такая уж счастливая. Гораздо счастливее те женщины, которые, встав с постели, не забивают себе голову философскими размышлениями и чувствами.

Прошло и прошло.

Получила и получила. И на том спасибо.

Она еще глотнула вина.

Вот сегодня свидание с Алешей. От этой мысли едва заметные морщинки у глаз моментально исчезли. Лицо зарумянилось.

Познакомилась она с ним у подруги. Алеша как увидел ее, так и очумел. Глядел во все глаза только на нее. Вызвался провожать.

Проводил. На следующий день позвонил. Затем пришел в гости. Дальше было все так наивно, смешно и трогательно, что ей даже стало с ним интересно.

А ему нравилось у нее дома.

Она.

И все, что между ними происходило.

Ей нравилась его способность удивляться, слушать, возражать и учиться. Но он был очень горяч, нетерпелив, как и все молодые слишком категоричен. Но из него можно было что-то слепить, подстроить под себя. Это было похоже на работу художника, который на чистом холсте вдохновенно выводил великолепный рисунок. И ей хотелось верить, что у нее что-то с ним получится.

Вот и сегодня она ему назначила встречу у ресторана. Все же такая разница в возрасте заставляла ее соблюдать приличия. Хотя она была выше всех этих предрассудков. Но все же... Все же...

Она оглядела ресторан. Было пусто. За единственным таким же маленьким столиком в другом углу сидел пожилой седовласый мужчина в красном шарфе на шее и смотрел в ее сторону. Раньше она его здесь не видела.

Глаза их встретились. Она автоматически улыбнулась. Мужчина, поняв это как какой-то знак, встал и пошел к ней.

В руке у него была кружка пива, а в другой – ярко-белая роза.

– Вы позволите? – спросил он низким, надтреснутым голосом.

Она растерялась от его шевелюры, розы и пива, которое она терпеть не могла, – бр... бр... бр... – но машинально сказала, убрав свои перчатки с края стола:

– Да, конечно.

Он присел.

Розу положил на столик, а кружку пива приподнял вверх.

– Вы позволите, я сделаю глоток?

– Да, конечно, – опять машинально ответила она.

«Очередной любовник, – мелькнула в ее сознании. – Стар уже для любовника. Тогда кто же? – задала себе вопрос. – Да, наверное, никто».

Он глотнул пива, поднял розу и вдруг сказал:

– А позвольте вам подарить этот цветок, – и протянул ей белый огромный бутон, очевидно, несколько не сомневаясь, что его предложение будет принято.

Но рука его с розой так и осталась висеть в воздухе.

– Позвольте, я что, дала вам повод дарить мне цветы?

– Нет, – выдержав паузу, ответил он.

– Тогда до свидания.

Щелчком она позвала официанта и стала доставать деньги из сумочки.

Но тут мужчина положил свою ладонь на ее руку.

– Не спешите, я хочу вам кое-что рассказать.

– Вы мне?

– Да.

– И что вы хотите рассказать такое, что мне может быть интересным?

– Вы когда-нибудь видели человека, который другому человеку продлевает жизнь?

– В смысле? – заинтересовалась она.

– Ну вам встречался, или вы, может, знаете такого человека, который продлевает жизнь людям?

– А Вам это зачем?

– Да мне это как раз и незачем. Просто я и есть такой человек.

Она посмотрела ему в глаза. В них было столько уверенности в том, что он говорит, что она решила задержаться.

– Хорошо, Вы меня заинтриговали. Так как же Вы продлеваете жизнь людям?

И она, взяв в руки сумочку, достала оттуда очки, одела их и с вызовом посмотрела на мужчину.

– Я продлеваю жизнь не всем людям, а только женщинам.

– Ах вот оно что.

Она сняла очки и положила их опять в сумочку.

– Я так и думала.

Затем опять позвала официанта, но как бы мимоходом спросила у мужчины:

– И на сколько Вы ее продлеваете?

– На три дня.

– Всего-то?

– Да, но это за один раз. За один день общения со мной. Чем больше общений, тем дольше живет женщина.

– Ха... Ха... – рассмеялась она.

Подошел официант.

Она расплатилась.

– Вы что, не верите? – удивленно спросил мужчина. – Я могу это доказать.

– Доказать? – удивилась она и, уже приподнявшись, опять села. – Каким образом?

– Очень простым. Пообщайтесь со мной.

– То есть, другими словами, я должна с вами переспать?

– Да.

– Хорошо, предположим – только предположим, – что я с вами переспала или, как вы говорите, пообщалась, и как же я замечу, что жизнь моя стала длиннее на три дня?

– На три дня, конечно, не заметите. А вот если на три года, то это уже можно заметить.

– То есть вы предлагаете, чтобы я пожила с вами целый год?

– Можно и больше. Это на сколько вам хочется продлить свою жизнь.

– Да... А почему именно я?

– Зачем спрашивать? Вы такая красивая женщина, с такими шикарными огненными волосами, что очень хочется сделать приятное, продлить вашу жизнь, получить возможность как можно дольше любоваться вами.

– Bravo! – она похлопала в ладоши.

– Ну так как? – спросил он, приподнимаясь.

– Знаете, все бы хорошо, только у нас с вами ничего не получится.

– Почему?

– Потому что я укорачиваю жизнь людей. И знаете кому?

– Догадываюсь, – грустил незнакомец.

– Да, мужчинам. Каждый мужчина, проведя со мной ночь, теряет из своей жизни некоторое количество дней. И знаете сколько?

– Догадываюсь, что три.

– Верно, вы очень догадливы. А так как, вы мужчина уже в годах, то я боюсь, что стану виновницей в случае принятия вашего предложения, удивительного парадокса, когда любовница молодеет с каждым днем, а любовник дряхлеет. И это бы все ничего, да только вот...

– Что?

– Я очень не люблю похороны. А при нашей связи, как вы понимаете, они неизбежны. Поэтому я предпочитаю мужчин помоложе. Да, кстати, вот меня и ждут.

И она помахала через окно Алеше, розовощекому парню, подъехавшему на машине к ресторану.

Поднялась.

Узеркала поправила прическу. И, мимоходом оглянувшись на мужчину, сидевшего за ее столом в полной растерянности, вышла из ресторана.

Он видел, как она подбежала к парню. Тот поцеловал ее в щеку, открыл дверцу, посадил в машину. Сел сам, и они уехали.

Мужчина долго смотрел вслед машине, потом встал из-за стола, перекинул один конец своего красного шарфа через плечо и, держа в руке розу, тоже подошел к зеркалу. Подойдя, стал с интересом глядеть в него, словно там осталось изображение только что отвергнувшей его женщины.

Потом оглянулся. Еще раз посмотрел в окно, на столик, на розу в руках и тихо прошептал:

– Жаль. Очень жаль. Из нее получилась бы очень хорошая Львица.

Поднес цветок к зеркалу и переломил его стебель пополам.

Ввоздухе что-то сверкнуло, хлопнуло, раздался оглушительный рев, и... и мужчина исчез.

Только на полу у зеркала осталась лежать переломанная пополам роза.

Официант, видевший эту фантастическую сцену, от неожиданности и страха закрыл глаза. Затем открыл, протер их и, осторожно подойдя к зеркалу, поднял розу. Нервно огляделся вокруг, но, увидя на столике исчезнувшего мужчины деньги, успокоился и повертел розу туда-сюда.

Понюхал. И, не унюхав ничего необычного, выбросил ее в урну.

12. Киллер

Темно-серая «Волга» спустилась с трассы на проселочную дорогу и, по – газовав на мокрых крутых поворотах, выехала к озеру.

У самого его края на одинокой скамейке сидел лицом к воде человек в брезентовом дождевике и ковырял землю прутиком.

Машина остановилась метрах в пяти.

Из нее вышел мужчина в дорогом шерстяном плаще, с перчатками и зонтом.

Зонт он тут же раскрыл и подошел к скамейке.

Поздоровался с сидящим и присел, прежде осторожно отерев скамейку перчаткой.

Кругом было пусто и уныло.

Мелкий холодный дождь.

Ни птиц, ни людей.

Осень.

То и дело порывами налетал ветер.

Эти двое сидели рядом долго.

Ветер несколько раз задирает зонт, колючие дождевые капли несло то справа, то слева.

Наконец разговор закончился.

Тот, что был с зонтом, встал, принял из рук второго большой пластмассовый кейс черного цвета и без рукопожатия попрощался.

Обошел скамейку, сложил зонт и быстро прошел к машине.

Там он открыл багажник, положил в него «дипломат», сел в машину, осторожно развернулся и тихо, почти беззвучно, поехал от места встречи.

Человек в брезентовом дождевике даже не обернулся, он по-прежнему ковырял прутиком землю.

Наконец он сломал прутик, отбросил его и грузно поднялся.

Брезентовый дождевик заскрипел. На нем образовались длинные глубокие складки, по которым скопившаяся влага ручейками побежала вниз.

Темно-серая «Волга» взбрыкнула багажником на очередной кочке и скрылась за невысокими мокрыми кустами.

Встреча закончилась.

Заказ был серьезный.

Заплатили много.

Даже больше, чем нужно.

Дома он открыл дипломат, полученный при встрече.

Там лежали деньги, несколько фотографий заказанной жертвы, адрес, место работы. В отдельных конвертах – фотографии телохранителей, время их работы, адреса посещений и график передвижений за последний месяц, характеристики зданий, машин, людей, местности, видеокассеты.

А еще – разобранная винтовка иностранного образца, оптика и патроны.

Все как всегда.

Кроме одного: с фотографии на него смотрела женщина.

Вечером он долго сидел, изучая материалы.

Старался понять свою жертву, влезть в ее шкуру.

Так он делал всегда.

И приступал к работе, только полностью поняв и прочувствовав повседневную жизнь того, кого ему определили на казнь.

Судя по характеристике, его подопечная была дамой сильной и деятельной.

Болела редко. Патологий не было.

Следовало понять, где ее можно взять.

Помощников у него не было.

Работал всегда один.

И жил один.

Два раза в неделю приходила убирать и постирать его дальняя родственница, пожилая и тоже одинокая; он платил ей немного и отдавал что-нибудь ненужное из продуктов и одежды.

Друзей у него не было.

А женщин и знакомых он домой не приводил.

С женщинами особых проблем не было, точнее сказать, они никогда не становились главным в его жизни.

Знакомился он с ними легко. Был всегда вежлив и аккуратен. Но романы заводил, лишь закончив работу, где-нибудь на отдыхе.

А отдых почти всегда бывал долгим и насыщенным. На него он тратил почти весь гонорар за очередную жертву.

Работу свою он считал вполне обычной, не лучше и не хуже любой другой, и не менее необходимой обществу-

В бога он не верил, но полагал, что там, в космосе, есть какая-то сила, определяющая все, что творилось и будет твориться на нашей земле. Зная о религии лишь понаслышке, он, как и многие сомневающиеся атеисты, представлял Добро и Зло по-своему.

Вот поэтому он недолго думал, когда ему почти сразу после армии предложили эту работу.

Раз уж все решено заранее, его согласие или отказ вряд ли изменят высшее предназначение.

С тех пор прошло почти пятнадцать лет.

Сейчас он уже плохо понимал, для кого и во имя чего выполняет эту свою работу, хотя хозяева остались прежние.

Но порой приходилось убивать таких людей, которых ранее охраняли и оберегали очень тщательно.

Но он никогда, никого и ни о чем не спрашивал.

Просто начал после каждого выполненного задания заходить в православный храм. Там он неумело крестился, поспешно ставил две свечи – одну за упокой души убитого, другую за свое здравие – и незаметно уходил.

Но приходил туда снова и снова, видимо, повинуюсь генетическому зову предков, столетиями обретавших душевный покой среди икон и молитв.

Хотя в церкви он чувствовал себя всегда неуютно и скованно, старался не смотреть в глаза ликам на иконах.

Ему казалось, что святые осуждают его за то, что он делает.

Но он гнал эти мысли от себя и считал, что его работа была серьезной и нужной и не терпела ни малейшего дилетанства.

Тем более в нынешнее смутное время, когда спрос на услуги такого рода сильно вырос и в это серьезное дело валом повалили случайные люди.

Ему уже приходилось убирать таких ребят; они работали из рук вон плохо.

Он прекрасно понимал, что когда-нибудь придет и его время, рано или поздно кто-то даст команду убирать и его.

Но к этому он был готов и верил, что опыт и интуиция вовремя подскажут, что началась охота уже на него, и он успеет уйти.

Еще лет пять назад он подготовил себе тщательно залегендированную жизнь: в другом городе, с квартирой, женой, детьми и незаметной профессией агента по продаже мебели, с новыми именем, фамилией и возрастом.

Только бы не пересидеть.

Можно было бы уйти и сейчас, но держала его профессия. В случае ухода пришлось бы забыть все, что до сих пор было смыслом его жизни, отбросить целый мир, привычный и по-своему уютный.

Так что пока он работал.

Работал так, чтобы, убив, не быть убитым.

Он рассортировал то, что было в дипломате.

С фотографии на него смотрела полноватая женщина лет сорока, темненькая, не красавица, но приятная, взгляд глубокий, глаза карие.

Одевается дорого и со вкусом.

Много драгоценностей, в основном бриллианты и золото.

Машины две, обе «Мерседес-600».

Охрана профессиональная.

Живет за городом в коттедже, больше похожим на дворец для приемов, чем на дом для жилья.

Двое детей, сын и дочь. Учатся в Швейцарии.

Не замужем. Развелась давно. С мужем не встречается.

Есть влиятельный друг, известный политик, намного старше ее.

Ведет активную сексуальную жизнь.

На данный момент влюблена в молодого певца из модного ансамбля.

Дважды ездила с ним на Канары.

Алкоголь употребляет мало и редко.

Подруг нет, родителей тоже.

Возглавляет крупную промышленнофинансовую группу.

Ей же принадлежит контрольный пакет.

Знает, что на нее открыта охота – видимо, много взяла и не поделилась.

Поэтому ведет себя очень осторожно.

Изучил охрану.

Ребята серьезные.

Маршруты ограничены.

Теперь стало понятно, почему заплатили так много и срок исполнения увеличили вдвое против обычного.

Просмотрел несколько видеокассет.

Ее приезды в офис на банкеты, к себе домой.

В отдельном конверте лежали две кассеты, о которых говорил заказчик во время встречи у озера.

Обе с записью ее постельных сцен, сняты на сверхмедленно записывающей аппаратуре.

Одна – с тем политиком.

Другая – в компании с несколькими молодыми людьми. Один, кажется, ее охранник.

Отложил их до поры в сторону.

Еще раз все внимательно просмотрел, сложил и убрал в тайник.

Оставил только одну фотографию, которая приглянулась ему более других.

Вставил ее в рамку и поставил на письменный стол.

Теперь они будут дней десять всегда рядом.

С фото она улыбалась ему. Он, склонив голову, долго смотрел на нее.

Убивать женщин ему еще не приходилось.

Два дня он осторожно наблюдал за ней в контрольных точках.
Ни дома, ни у офиса ее не взять.
Пытался сесть на хвост.
Но с первого же маршрута сошел: у ее машин спецпропуск с мигалкой, уходили быстро, под любые знаки.
Где и как?
Решая этот вопрос, он два дня лежал дома, курил и все смотрел, смотрел на ее фото.
Было два пути.
Либо обмануть ее охрану, либо как– то вывести ее из ее привычного ритма жизни, чтобы она сама себя подставила.
Если идти по первому пути, то вместе с ней надо ложить и охрану.
А он всегда считал этих парней своими коллегами и потому старался не лишать их жизни без веских причин.
Ему заплатили только за ее жизнь.
Одну ее и надо было забирать.
Значит, второй путь.
Он почти вжился в ее характер и, как ему показалось, стал ее понимать.
Поэтому мог предположить ее действия после того, как он сломает привычный график ее движения. И куда поедет, и чем займется.
Как человек активный она начнет действовать, причем сразу же.
Быстрый анализ обстановки – и верный ход.
Единственно верный, как будет ей казаться.
Тут-то он ее и поймает.
Несколько дней он потратил на ее покровителя.
Семья, дети, внуки.
Редкие посещения мероприятий, не связанных с политикой.
Все остальное – охота.
Изучил охотничье хозяйство, где он барствовал.
Дорога, ведущая туда, тупиковая, со шлагбаумом.
На развилке, при съезде с трассы – пост ГАИ.
Там знают, что это за дорога, куда и к кому ведет.
Без проверки ни одну машину не пропустят, даже со спецпропуском.
Она туда ни разу не ездила.
Друг не разрешал: охота для него – святое.
Сопоставив ее жесткий волевой характер, упрямство прикормленных и приласканных хозяином займки гаишников и ту нервную пиковую ситуацию, которую еще предстояло создать, понял: на посту будет скандал.
А раз скандал, значит, она либо выйдет, либо хотя бы окно откроет. Не выдержит, как ни крути – она всего лишь женщина.
А большего ему и не надо было.
Дождался пятницы.
Упаковал те две видеокассеты в небольшую прозрачную бандероль, даже переписывать не стал. Незачем. Хоть и пикантна она бывала местами и моментами, о ней следовало забыть после дела. Сразу и навсегда.
После обеда ее покровитель прямо с работы уехал за город.
Он проводил его немного.
Как всегда, не изменяя себе, тот поехал в свое родное охотничье гнездо.
Люди его возраста вообще, как правило, отличаются похвальным постоянством.

Этот солидный человек наверняка знал о шалостях подруги с молодыми людьми, и все же, опасаясь нарушить размеренный ритм своей жизни, всегда ее прощал.

Не простит он ей только одного – посягательства на его политическую карьеру и сложившуюся, спокойную и достаточную жизнь.

Она и не посягала никогда.

Даже помогала ему в меру своих возможностей.

Но эта бандероль кое-что изменит.

К бандероли он приложил записку, в которой сообщал, что точно такие же кассеты отослал сегодня почтой в редакцию одной влиятельной газеты и на домашний адрес ее покровителя, хотя ничего никому не послал.

И все.

Просчитал, что сама она ни в газету, ни к покровителю домой не сунется: там ее не поймут.

А вот самому покровителю наверняка по силам уладить все это. Раз послано почтой в пятницу, значит, придет по адресам не раньше понедельника. |

Можно еще перехватить. Но надо самой сообщить ему об этом, и немедленно. Пусть сердится. Пусть даже ударит. Зато потом оценит, что она спасала в первую очередь его репутацию. А там уж они разберутся, откуда это взялось и кому это надо.

Вот так, по его предположениям, она должна была подумать и, плюнув на запрет, очертя голову помчаться немедленно за город, в запретную для нее охотничью зону, через все посты.

Лишь бы гаишники не спасовали перед ее напором.

Этих «лишь бы» и «но» было много и могло прибавиться еще.

Хотя он, вроде бы, просчитал все до мелочей.

В субботу, в одиннадцать, когда она должна была в своем офисе пить первый чай, он послал ей с нанятым на вокзале пацаном обе видеокассеты и записку.

Проследил, как тот подошел к охраннику и показал бандероль и конверт.

Охранник осторожно взял бандероль, но поскольку кассеты были упакованы в прозрачный полиэтилен и были очень хорошо видны, тут же успокоился, повертел бандероль в разные стороны, взял конверт, где детским почерком с ошибками было написано «Лично в руки президенту фирмы компра, имеет государственную важность», дал щелчка пацану и, сунув все это себе в карман, продолжил патрулирование у входа.

Пацан, очевидно, посчитав, что ему мало заплатили, стал вымогать деньги еще и у охранника. Но тот, взяв его за шиворот, дал такого пинка, что шкет, шлепнувшись метра через три на асфальт, вскочил и стремительно скрылся.

Все.

Теперь на точку – и ждать.

Ждать, когда охранник сменится и, натешившись изучением конверта и кассет, передаст все это наверх. Побойтся умолчать. При всей видимой простоте, бандероль явно содержала важную информацию, а люди кругом работали серьезные.

А когда все это попадет к ней, должен сработать простой логический механизм. Наверняка сработает.

Но что бы там ни происходило и сколько бы ни длилось, он уже готовил то, что должно было подытожить его недельную работу.

Едва охранник взял кассеты и конверт, он стер грим, отклеил усы и поехал из города к той загородной трассе, по которой вчера вечером укатил покровитель и где и она неминуемо должна быть.

Не доезжая с километр до поста ГАИ, он свернул в лес.

По лесной дороге выехал поближе к вершине холма.

Развернул машину, загнал ее под развесистую елку.

Глушить мотор не стал, оставил на холостом ходу.

Сам поднялся по склону метров на десять.

И осторожно выглянул из-за небольшого бугорка, обросшего плотным кустом орешника.

Пост ГАИ был как на ладони. До него было метров семьсот-восемьсот.

Положил рядом ружейный чехол.

Расстегнул его.

Достал пятизарядную австрийскую винтовку с великолепной объемной оптикой. Патроны к ней были не совсем обычные. Пули как пули, а вот гильзы увеличены почти вдвое. До километра с этой оптикой и такими патронами можно попасть человеку в глаз, а его мишень на этот раз была покрупнее – голова.

Приложился.

Через оптический прицел различил даже рисунок на погонах гаишников.

Проверил затвор и, приведя в боевую готовность, положил винтовку на чехол, накрыл ее шарфом и стал терпеливо ждать.

Понял он ее или не понял?

Прошло часа два.

Для себя он решил, что будет ждать до упора, но в пять хотел сделать звонок в ее офис – проверить, там ли она еще.

Бензином он заправился, да еще в багажнике были две запасные канистры.

Кофе – полный двухлитровый термос.

И все же, как он ни ждал, как ни готовился, появилась она как-то неожиданно, вдруг.

В голове торжественно затикало – молодец, все верно! Она именно такая, он ее понял. Поднял винтовку, приложился, стал наблюдать через прицел.

У поста ГАИ разыгрывалась настоящая драма.

Сперва сержант-гаишник разговаривал с водителем, не вышедшим даже из машины, потом подошел офицер, забрал документы у сержанта. Вышел ее охранник с переднего сиденья, стал что-то объяснять офицеру. Тот убрал документы водителя, козырнул охраннику. Охранник полез за своими документами. Офицер забрал их и снова козырнул охраннику. Сержант стал обходить машину, заглядывая в темные окна. Вышел водитель «Мерседеса». Из коробки поста подошел еще один офицер. Чувствовалось, что разговор идет на повышенных тонах. Несколько раз все оборачивались на машину.

Наконец офицер повернулся и пошел к своей будке, позвав за собой водителя и охранника. И тут она не выдержала.

Открыла окно и, похоже, начала кричать. Все – и гаишники, и ее охрана – резко остановились, а сержант, стоявший у машины, наклонился к окошку, приложив руку к козырьку.

И тут он выстрелил прямо в ее открытый рот. Пуля отбросила женщину в глубину салона, разорвав ей шею.

Все разом повернулись на звук, в его сторону. Лишь сержант, ничего не поняв, продолжал тупо держать ладонь у фуражки. Но охранники уже выхватили пистолеты, один бежал к «Мерседесу», другой, выставив оружие в направлении леса, водил им туда-сюда, не понимая, откуда стреляли.

Он осторожно сполз вниз, бросил винтовку с чехлом и брезентовой подстилкой там, где лежал минуту назад. Подбежал к машине. Снял перчатки, отбросил. Отряхнулся, спокойно сел в машину и тихо съехал к трассе.

По ней он проехал немного в сторону города, затем развернулся и поехал в сторону поста ГАИ.

Проезд был уже перекрыт.

Перед постом стояли два «жигуленка» и бензовоз.

Он остановился, вышел и спросил у водителя бензовоза, что тут за суэта.

– Да не поймешь ничего! Вон из той машины какую-то бабу вытащили, – шофер махнул в сторону перламутрового «Мерседеса». – Морда вся в крови, кажись, убил ее кто-то, а кто – непонятно. Все бегают, все с оружием, а чего бегают, опять же непонятно. – И, плюнув с досады крикнул: – Сержант, ехать надо! Давай пускай!

Сержант, спросив о чем-то офицера, дунул в свисток, махнул жезлом, и машины медленно тронулись.

Проезжая мимо сержанта, киллер притормозил и на нетерпеливый жест сержанта «проезжай», мол, спросил, открыв окно своей машины:

– Я врач, может, помощь нужна?

На что сержант ответил:

– Нет, покойнику врач не нужен. Проезжай.

Он надавил на газ. Закрыв окно, правда, не плотно и, обдуваемый холодным осенним ветром, помчался вперед – хоть и в объезд, но чтобы засветло все же попасть домой.

Оставалось еще убрать ее фотографию, она до сих пор стояла у него на столе.

13. Квадрат Малевича

К своим тридцати семи годам в ее сексуальной жизни был один единственный мужчина. Ее муж.

С которым, к тому же, Вера «разошлась» полгода назад. Вернее, «разойтись» она не могла, они с ним жили не зарегистрированные, так сказать, в гражданском браке – вместе решили, что регистрация в ЗАГСе – это не модно.

И вот однажды утром он встал и сказал, что уезжает. Она подумала, что, как всегда, в командировку.

С просонья и не поняла, куда и зачем, протянула к нему губы для поцелуя, которые он впервые за десять лет совместной жизни не поцеловал, что и было самым странным в это утро. Но странность эта тогда ее не взволновала, и она, зафиксировав, что дверь захлопнулась, легла спать.

А муж уехал навсегда в другой город к какой-то девице, о существовании которой она даже и не подозревала. Туда, оказывается, он и ездил в командировки.

А то, что он уехал насовсем и надолго, она поняла, когда обнаружила, что вместе с его походной сумкой исчез и большой семейный чемодан из желтой кожи, а также все его вещи. Единственное, что осталось, это его опасная бритва «Зингер». Почему он ее забыл, было непонятно. Хотя он ею не брился, и она у него была больше как сувенир, доставшийся ему от деда.

В итоге от мужа у нее осталась бритва, двухкомнатная квартира, в которой они только год назад сделали евроремонт, и старенький «Москвич».

После такого страшного ухода мужа она полгода плакала, а затем у нее вдруг стали появляться старые и новые подруги, и она плакать перестала. В основном подруги просили попользоваться ее квартирой, пока она была на работе, а в благодарность иногда приглашали ее посидеть в кафе или сходить в спортивный зал «размять кости».

Ей нравилось ходить с подругами в рестораны и спортивные клубы. Их посещали какие-то особенные люди: красивые, раскрепощенные. «Это потому, что богатые», – объясняли ей подруги. И ей тоже страх как захотелось стать такой же раскрепощенной и богатой.

А как сорокалетней женщине без высокооплачиваемой работы и своего дела стать богатой?

Как говорили подруги, путь был один – завести богатого любовника. И когда у нее после таких разговоров загорались глаза и вдруг начинало постукивать сердечко, подруги быстро останавливали ее волнение: «Тебе уже поздно, всех богатых расхватили молодые».

А еще ее очень смущали эти встречи подруг, в основном замужних, у нее на квартире со своими кавалерами и обсуждения с ней достоинств этих кавалеров: какие они в сексе, кто тратит, а кто зажимает деньги, кто злой, а кто добрый.

Особенно удивлялась интенсивной сексуальной жизни ее подруг. Каждый день, а некоторые и по несколько раз: днем – с любовником, а вечером или ночью – с мужем.

У нее с ее бывшим мужем это было гораздо-гораздо реже. И не из-за того, что он не мог, а оттого, что ей так часто было и не надо.

Но подруги так смачно и интересно рассказывали ей и друг другу как, сколько, где и с кем, что она стала задумываться, почему они так могут, а она нет. И ей тоже захотелось этого же и столько же, и так же.

Захотеть-то захотела, а «этого» как не было, так и не было, как бы она этого не хотела.

Помыкалась она, помыкалась в своих поисках своего будущего сексуального партнера и поняла, что эти поиски безуспешны в силу ее робости, серости и скудности средств.

Но желание это, однажды пробужденное ее подругами, так и жило у нее внутри, по ночам спускаясь вниз, отчего руки пальчиками тянулись к нежному лобку. И что самое странное,

эти прикосновения вместе с ее новыми воображениями как-то по-новому волновали ее кровь и душу. Ей это было интересно, ново и необычно.

Промучившись так в своих грезах, она решила поговорить со своей лучшей подругой, которая наиболее активно «пользовалась» ее квартиру.

Света, выслушав ее, загорелась и рьяно взялась за ее сексуальное образование и обустройство ее интимной жизни.

– Во-первых, – сказала она, – тебе нужен партнер молодой, а не старый. Старики, они и есть старики. Форсу много, а пороку – пшик. Но и молодой партнер, желательно, чтобы был женатым, а то холостые мужики быстро начинают чувствовать себя хозяевами и неизвестно что выкинут.

– А что ты имеешь ввиду? – поинтересовалась Вера.

– А то, что некоторые сразу начинают жениться или, еще хуже, приходят пожить. А я думаю, что тебе смешить людей ни к чему.

– Но у тебя же неженатый?

– Да, у меня неженатый. Но то я, а это ты.

– Как это понять? – робко и тихо спросила Вера.

– А так, что я в этих делах уже давно купаюсь. Со мной эти номера не пройдут. А ты... – и она скептически обвела взглядом Веру. – Ты можешь влипнуть, и крепко.

Вера сникла.

– Ну что? – все также по-хозяйски спросила ее подруга. – Будем начинать?

– Угу, – мотнула головой Вера.

– Если угу, то завтра часов в шесть я приду к тебе со своим другом Виктором и его другом Лёней. Лёне где-то лет двадцать пять. Женатый, но глупый, как пенек.

– Глупый? – переспросила Вера.

– А тебе что с ним, романы обсуждать? Трахнешь его – и по домам.

– Как «трахнешь»?

– Как-как, обыкновенно.

– Да я же для него старуха.

– Не бывает старых баб, бывает мало водки, как говорит мой Витя. Так что приготовь закуски по-скромному и три бутылки водки.

– Хорошо, – опять очень тихо прошептала Вера.

– Но сначала мы произведем осмотр твоего девственного тела, – заявила Света. – Раздевайся.

– Как?

– Молча.

Вера покорно разделась.

– В общем, ничего, – обойдя ее вокруг, констатировала Света. – Бедро высокое, грудь упругая, тяжелая. Вот только... – сказала она и скептически посмотрела на густой светлый треугольник у основания живота Веры.

– Что «только»?

– Смотри.

И подруга, задрав юбку, приспустила свои трусики.

Там, где у Веры был густой пролесок, у Светы было выбрито аккуратное темное сердечко.

– Мужики от этого просто балдеют, – констатировала Света ошарашенной Вере.

– И тебе что-то подобное надо придумать. Пошли.

После получасовой кропотливой работы у Веры, вместо ее дикого светлого пролеска, появился аккуратный квадратик, причем уже черного цвета.

– Красота! – воскликнула Света. – Прямо «Квадрат» Малевича.

Когда Света ушла, Вера разделась, долго смотрела на свой новый узор. На молочно-белом теле этот темный шелковистый квадратик и точно был похож на картину великого художника, только ее квадратик был более нежным и таинственным.

Вера смотрела, смотрела и не заметила, как заулыбалась. А когда увидела в зеркале, что улыбается, то вдруг засмузилась и, прикрыв руками свой художественный шедевр, бросилась надевать халат.

На следующий день она отпросилась на работе с обеда и, пробежавшись по магазинам, стала, волнуясь, роняя ножи и вилки, приводить кухню в состояние полной готовности к встрече с неведомым.

В седьмом часу, хоть и ждала, она вздрогнула от звонка. Одернула юбку, застегнула кофту еще на одну пуговичку и пошла открывать дверь.

Первой вошла Светка и мимоходом расстегнула у Веры только что застегнутую пуговичку на ее кофте.

Следом вошли два молодых парня. Тот, что повыше, как оказалось, был Светкин, а тот, что пониже, значит, был предназначен ей, Вере.

Светка сразу всех друг другу представила и сразу за стол, и все хохотала да болтала что-то. Парни молчали. Вера тоже, лишь изредка отвечала на Светкины вопросы односложно: да или нет.

Сели за стол.

Выпили.

Парни молчали.

Выпили еще.

Причем Светка заставила и Веру выпить две рюмки.

Вера сразу же спьянилась и тоже стала хохотать от каждого глупого слова или шутки.

А парни молчали.

После того, как выпили две бутылки парни заговорили. Отрывисто и как-то плоско и неинтересно.

Вере стало грустно. Она отозвала Светку в другую комнату и сказала, что ей что-то не хочется с «этим».

– Ты что, дура? – спросила ее Светка

– Нет, – сказала Вера.

– А раз нет, то для того, чтобы трахнуть, и такого достаточно. Давай не ломайся, тебе не восемнадцать. А ему двадцать пять. У тебя был такой?

– Был.

– Кто? – удивилась Светка.

– Муж. Когда мы познакомились, ему как раз было двадцать пять.

– Верка, ты чего, дура или прикидываешься?

– Нет, не прикидываюсь, наверное, просто дура.

– А раз дура, то давай вперед. Я сейчас уйду в ту комнату, а ты давай с ним в спальню.

– Нет, – сразу заартачилась Вера, – я так не могу. Вы лучше совсем уйдите, а то я не буду.

– Что не будешь?

– Ну, с ним не буду.

– Да, тяжелый случай, – почесала себе затылок Светка и крикнула: – Витя, пошли, я забыла, что нам надо в одно место.

И она почти силком выволокла Витю из-за стола.

Друг тоже хотел встать, но Светка его резко остановила.

– А ты посиди, водочки попей.

И, подмигнув им обоим, пошла к двери, а напоследок шепнула Верке:

– Я тебе позвоню через полчаса.

– Ты что, рано.

– Ничего не рано. Его на первый раз и на пять минут не хватит. Верь мне, уж я-то знаю. Они ушли.

Вера сидела за столом с парнем, который молчал и разглядывал обои на потолке. Потом он налил, и они выпили. Вера уже только пригубила. Помолчали, еще выпили. Так просидели полчаса.

Парень постепенно разговорился и стал рассказывать о каком-то бригадире, который его зажимает и не доплачивает за работу.

Вера согласно кивала, что бригадир – редкая сволочь, смотрела на юношу и думала, как же ей с ним быть. По всему похоже, он не собирался проявлять никакой инициативы. Вере стало совсем грустно. И вдруг в этой грусти как гром прозвенел, звонок. «Светка», – подумала Вера.

И точно. Когда Вера сняла трубку, Светка, прямо захлебываясь от любопытства, заговорила:

– Ну что, как?

– А никак. Сидим, водку пьем, беседуем.

– И чего?

– Ничего.

– А он чего?

– Рассказывает про бригадира.

– Так, понятно. В общем, вот что, подруга, давай бери инициативу в свои руки. Веди его в спальню, вроде как показываешь ему квартиру, и там раздевайся. Мужиков, когда они видят, как раздеваете, женщина, клинит, и они сразу вспоминают, что им надо делать.

– Я не смогу.

– Если не станешь сама, я сейчас приеду и наведу у вас порядок.

– Хорошо, хорошо, – напугалась Вера, – я сейчас попробую.

Она положила телефонную трубку и вернулась на кухню.

Ее друг уже немного запьянел и тщетно пытался поймать вилкой зеленую горошину из салата, гоняя ее по своей тарелке.

Вера поправила волосы.

– А не хотите...

Но тут осеклась, подумала и поправилась:

– Хочешь посмотреть квартиру?

Тот отвлекся от горошины и, мотнув головой, сказал:

– Можно.

Вера провела его в зал. Показала книги, фотографии на стенах, статуэтки. Последние его заинтересовали, и он даже спросил:

– А это что за толстый мужик?

И показал на маленького толстого Будду из бронзы.

Вера не стала вдаваться в подробности и, махнув рукой, ответила:

– Так, один обжора.

– Обжора? – засмеялся товарищ. – Я так и подумал.

Потом она повела его в спальную комнату. Там у нее росло много цветов. Посередине стояла огромная двуспальная кровать, заправленная по этому торжественному: случаю синим махровым бельем в желтую клеточку.

Постель произвела на парня впечатление.

– Какая красивая и большая, – сказав он и, подойдя к кровати, потрогал ее рукой.

Вера, постояв в нерешительности у порога спальни, вдруг скинула с себя одежду и, оставшись в белье, быстро прошла, и, обогнув парня, залезла под одеяло. Он по топтался немного, выключил свет и, сняв рубашку и брюки, нырнул к ней.

Они несколько раз поцеловались, затем он долго расстегивал бюстгальтер и, наконец... Все произошло очень быстро. Даже сверх быстро. Она даже не успела удивиться, испугаться или обрадоваться, как он уж встал и ушел в ванную комнату.

Пока парень плескался в ванной, Вера продолжала лежать, гадая, было уже или еще не было.

Почувствовав что-то липкое между ног решила: «Значит, было. Но что-то очень быстро. На одном единственном вздохе.

Наверное, потому, что это у нас с ним первый раз. Сейчас, наверное, будет еще» – и решила еще полежать.

Но парень, помывшись, зашел в спальню, оделся и, помахав ей рукой, ушел, тому, как хлопнула входная дверь, она поняла, что он не вернется. «Еще» больше не будет. Вера встала, оделась, прошла в комнату. Все было на месте. Не хватало только недопитой бутылки водки.

«Да, – подумала Вера, – убежал. Может, спешил куда».

Минут через тридцать позвонила Светка.

– Ну как?

– Никак, – ответила Вера.

– Что, совсем никак?

– Да нет, три минуты.

– Фу, – вздохнула Светка, – я уж думала, что совсем ничего не было. А то что три минуты, то это ничего. Это наверняка оттого, что очень сильно тебя хотел и первый раз. Это мы с тобой исправим. Я завтра приеду, расскажешь все в подробностях.

– Приезжай, хотя и рассказывать нечего.

Сутки до приезда Светы Вера находилась в каком-то волнующем напряжении, что создавало в ее скучной и однообразной жизни какой-то новый интерес. Она, то и дело вспоминая этого юного ловеласа, даже умудрилась найти в нем кое-какие хорошие качества.

«А что, – думала она, – и не хам, и не буйный. А то, что бутылку забрал, то, наверное, просто разволновался и чтобы успокоить себя, допил по дороге домой. К тому же Светка сказала, что он женат уже три года, а детей нет. И ведь не оттолкнул он меня и не ушел, когда я так нагло разделась и залезла в постель, даже наоборот, тоже нырнул ко мне и обнимал меня жарко и даже вроде как бы что-то сказал, когда прижимался ко мне». Вот только что именно он сказал, она не разобрала, но попробовала мысленно представить это «что-то» так; тихо сказанное, и ей сделалось приятно.

Когда пришла Светка и стала расспрашивать ее, как да что, Вера, как могла рассказала все как было. Светка, настроившись на продолжительный рассказ, сникла, когда услышала, что раз – и все.

– Да, – сказала она, – это ничего. Теперь тебе надо его пригласить к себе одного.

– А как я это сделаю?

– У меня есть его рабочий телефон. Давай, звони и назначай ему свидание.

– Я как-то не могу сама. Подумает еще, что навязываюсь. Ведь все-таки я старше; его почти на пятнадцать лет.

– Пусть подумает. А тебе что? Сами они к тебе уже не прибегут. Да, вот еще что, пообещай, что пригостишь что-нибудь вкусное.

– Это зачем?

– Ну как зачем? Чтобы у него был дополнительный стимул.

– Слушай, Светка, это получается, я как бы его покупаю.

– Да, получается. А что, разве он был плох?

– Да нет.

– Тогда звони.

И Светка сама набрала номер служебного телефона парня.

– Мне бы Павла, – попросила Вера кого– то на другом конце телефонного провода.

Там молча положили трубку, и было слышно, что кто-то кричит:

– Пашка, там тебя какая-то баба спрашивает.

– Какая еще баба?

– Не знаю.

– Сейчас, только трансформаторную крышку прикручу.

Минут через пять, когда Вера со Светкой уже устали ждать, Павел подошел к телефону.

– Слушаю.

– Павел, это я, Вера.

– Какая Вера?

– Та самая, – вдруг со злостью сказал Вера, – у которой ты вчера был.

Павел, очевидно, опешил от такого напора и уже робко спросил:

– И что?

– Ничего, – ответила Вера, – просто я тебя сегодня опять приглашаю к себе. Я вкусные голубцы приготовила и у меня есть бутылка «Смирновки».

Очевидно, и голубцы, и «Смирновка» произвели впечатление, и он сразу спросил:

– Во сколько?

Вера обернулась к Светке, и та показала семь.

– В семь.

– Хорошо.

– Молодец, – затараторила Светка, когда Вера положила трубку, – и про «Смирновку» правильно придумала, но раз сказала, придется покупать. Ты давай ему сразу скажи, что не надо спешить, надо все это дело делать подольше. И вообще, знаешь что, ты давай, когда он придет, я тебе позвоню, а ты потом просто положи трубку не отключая.

– Это зачем? – удивилась Вера.

– Зачем, зачем, чтобы знать, что у вас тут будет твориться, и понять, как тебе помочь в случае чего.

– А что у нас может твориться? То же, что и у всех.

Глупая, это тебе не муж. Это с мужем можно кое-как, а с любовником надо использовать всякие женские хитрости, чтобы он привязался к тебе.

– Какие еще хитрости?

– Ну такие, например, как твой квадратик.

– Какой квадратик? – не поняла сна чала Вера.

– Какой, какой. Да такой, который мы с тобой соорудили у тебя там.

И Светка показала ей на ее трусики. Вера посмотрела туда и задумчиво сказала:

– А знаешь, он его и не видел.

– Это сейчас не видел, а потом увидит и заинтригуется. Тебе надо понимать, глупая, что это раз, два, а потом, если будешь скучная и обычная, больше этот мальчик к тебе не придет. Поняла?

– Поняла, – мотнула головой Вера.

А когда Светка ушла, сама себе сказала:

– Она, конечно, правильно говорит. Хотя все это странно и непривычно.

И вспомнив парня, добавила:

– Но интересно...

Когда пришел Павел, Света уже стряхнула с себя робость и встретила его веселая и даже немного развязная, в легком шелковом халатике. Накормила ленивыми голубцами, напоила смирновской водочкой и только потянула в спальную комнату, как зазвонил телефон. Она

взяла трубку и, услышав голос Светки, сказав, что ошиблись, положила трубку на журнальный столик в спальне не выключая, а Павлу сказала, что спрашивали химчистку, ей часто так звонят, путают.

На этот раз все произошло немного подольше, но не так, чтобы уж совсем долго – минут шесть-семь, не больше.

Когда Павел пошел в ванную, она положила трубку на рычаг. Павел посидел еще, поболтали о том о сем, в основном про его работу. Посмеялись. Выпили. И на этот раз, прощаясь, поцеловались.

Вера сама набрала Светку и сходу спросила ее:

– Ну как?

– А что вы там делали?

– Как что? – удивилась Вера. – Что и все делают.

– Дура, кто же так делает? Он же от тебя сбежит через раз.

– Почему? – удивилась Вера.

– А потому. Ты бы еще заснула во время всего этого. Ни одного вздоха, ни одного крика, стона. Перезвони мне через полчаса. Ко мне Виктор придет. Я не буду выключать телефон, а ты послушай.

Вера перезвонила. То, что она услышала, для нее было открытием, что люди могут так отдаваться друг другу, – со стонами, криками, воплями и даже просьбами.

– Ну как? – спросила ее Светка, когда они созвонились после ухода Виктора.

– Ты знаешь, я такого еще не слышала.

– Ничего, еще и увидишь. Созвонимся.

– И Светка бросила трубку.

– Вера осторожно положила трубку и задумчиво села в кресло. В голове было как-то туманно. Получасовое телефонное представление Светки ее не столько возбудило или чему-то научило, сколько опять заставило подумать, что она сама какая-то ненормальная. Что прожила столько лет и не знала, и не чувствовала ничего того, что, оказывается, чувствовали все остальные женщины вокруг нее.

– Ей стало так обидно, что она вдруг неожиданно для себя встала, подошла к шкафу, нашла альбом, вытаскала оттуда фотографию мужа и со злостью разорвала ее. Потом собрала куски в кулак, смяла и, сказав «гад», выбросила все это мятое в помойное ведро.

– В этот вечер она напилась до безумия и раз двадцать звонила Павлу, просила позвать его к телефону, а когда он подходил, бросала трубку. Потом, ближе к полуночи, она успокоилась и уснула, не раздеваясь, прямо на диване.

– Утром ее разбудил громкий и настойчивый звонок в дверь. Она еле поднялась. Болела голова и ее подташнивало. Подойдя к двери, она увидела в глазок Светку. Молча открыла ей дверь и почти побежала в ванную. Там ее стошнило, а Светка стояла за дверью и тихо говорила и говорила.

– Ну что ты, Берусь, что ты. Я же не хотела тебя расстраивать. Понимаешь, я же хочу как лучше, чтобы ты жила полной жизнью.

Наконец Вера вышла из ванной.

Светка поставила на плиту чайник, нашла заварку, достала чашки, в общем, взяла инициативу в свои руки.

– Давай иди под душ тепленький, а я сейчас тебе чайку сделаю, сразу взбодрит.

Сама завела Веру в ванную и, поставив подругу под теплый душ, пошла заваривать чай.

Когда Вера вышла из ванной, Светка закутала ее в одеяло, как сиделка больную, напоила ее чаем и уложила в постель.

– Спи, – поцеловала подругу Света и ушла, хлопнув дверью.

Вера, вздохнув, залезла под одеяло, с головой и, чему-то улыбнувшись, уснула.

И ей приснился цветной красивый сон с цветами, бабочками, и она в этом сне в воздушном розовом пеньюаре кружилась в прекрасном свободном танце.

Когда она проснулась и высунула голову; из-под одеяла, солнце так ярко освещало ее комнату, что она зажмурилась и, прикрыв лицо от солнечного зайчика, сладко потянулась.

Но опять зазвонил телефон, и Она прямо в одеяле, часто переступая ногами, подошла к телефону.

– Алло...

Это был Павел.

Она испугалась и бросила трубку.

Но телефон через несколько минут опять зазвонил. И не замолкал: звонил и звонил.

Долго и противно.

Она сидела в кресле, поджав ноги, и со страхом смотрела на дребезжащий телефонный аппарат. В ее голове пролетали картины ее ночных звонков Павлу, вино, сигареты и какие-то метания души, непонятные и странные для нее. Было противно и стыдно за себя. За выпитое вино, за эту связь с мальчиком, за дурацкий квадрат под трусиками.

Она вдруг вскочила и бегом побежала в ванную. Там она стянула с себя трусики, и стала шарить рукой, ища хоть какой-то крем. Рука все время натякалась на что-то другое, но только не на крем. Она вскинула голову и тут увидела себя, растрепанную, с красными глазами.

– Тьфу, – плюнула она в зеркало и только хотела сбрызнуть аккуратный черный квадратик на лобке, как резкий и неожиданный звонок в дверь заставил ее вздрогнуть и остановиться в порыве уничтожить «произведение бессмертного Малевича» на своем прекрасном теле.

Она со злостью бросила бритву на пол ванной и в чем мать родила пошла открывать дверь.

Не спрашивая, кто там, мысленно, конечно, думая, что это Светка, она, отомкнув замки, резко распахнула дверь.

За дверью стоял Павел.

Увидев его, она даже не вскрикнула, не застеснялась и даже не удивилась, и не прикрылась, как сделала бы это раньше. Она только повернулась и, бросив через плечо: «Заходи», прошла к дивану и только там уже накинула на себя халат.

Павел вошел.

Она, закинув ноги под себя, закурила и так свысока спросила топтавшегося и почему-то оробевшего Павла у дверей:

– Ну, чего встал? Проходи.

– Я так, пришел узнать просто.

– Что узнать?

– Ну, как ты, а то все звонила, звонила.

– Я? Кто тебе сказал?

– Не ты?

– Когда?

– Вчера вечером.

– Нет, не я.

– Да? Ну тогда извини. А я подумал что ты.

– Нет, не я, – выпустив тонкую струйку от тонкой сигареты, ехидно сказала Вера.

– Да? А я думал, что ты.

– Не я. А ты давай проходи в спальную, – вдруг неожиданно для себя сказала Вера топтавшемуся у дверей мальчику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.